

Археологические Вести

№ 11

ДБ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ¹

Н. М. ВИНОГРАДОВА²

Археологические памятники Южного Таджикистана неразрывно связаны с культурно-исторической областью, получившей в античности название Бактрия, и представляют ее периферийный северо-восточный регион. Только в рамках «единой Бактрии» возможна историческая интерпретация памятников этого времени в Южном Таджикистане.

В настоящее время памятники эпохи ранней и средней бронзы на территории Южного Таджикистана не известны. В эпоху поздней бронзы данная область становится контактной зоной трех крупных культурно-исторических общностей, различных по происхождению. Это – земледельческие памятники северо-бактрийского варианта культуры Намазга VI, так называемые сапаллинская культура и памятники степной бронзы: бешкентско-вахшская³ и андроновская⁴.

Для земледельческих памятников Бактрии и Маргианы исследователи предлагают различные названия: культура Намазга (Kolh 1981: VII), культура Окса (Frankfort 1984: 174), сапаллинская культура (Аскарков 1977), бактрийско-маргианский археологический комплекс БМАК (Сарианиди 1990: 77). В. М. Массон допускает сосуществование группы локальных цивилизаций, объединенных понятием протобактрийский центр (Masson 1988: 536–541). А. Аскарков, Т. Ширинов пишут, что археологические оседлоземледельческие комплексы юга Средней Азии, северо-восточного Ирана и северного Афганистана можно объединить в единую культурную общность, которая может быть названа как Намазгинская историко-культурная общность – НИКО (Аскарков, Ширинов 1993: 42). Нам представляется возможным оставить название культуры Намазга, считая, что памятники сапаллинской культуры являются ее северо-бактрийским вариантом.

В настоящее время открыт целый пласт земледельческой культуры в изучаемом регионе. Эта культура не является здесь автохтонной и генетически связана с земледельческим населением Северной Бактрии, прежде всего, с так называемыми сапаллинскими памятниками.

На поздних молалинской и бустанской фазах сапаллинской культуры происходит процесс расселения земледельческих племен из юго-западной части Северной Бактрии (территория Южного Узбекистана)

на северо-восток. Причины передвижения земледельческого населения на территорию Южного Таджикистана с юго-запада в эпоху поздней бронзы можно понять лишь в контексте общих процессов, происходивших на юге Средней Азии. На первом этапе происходит угасание культур бронзового века в предгорьях Копет-Дага, что вызывает массовое переселение жителей предгорной полосы в низовья Мургаба и на территорию Бактрии, по обе стороны Аму-Дарьи. В Южном Таджикистане мы фиксируем позднюю волну этих переселений или миграций, связанных с экологическими (аридизация климата), демографическими (рост населения) или экономическими (освоение новых земель, торговые связи) причинами.

Результаты споро-пыльцевого анализа⁵ лессовых почв поселения Кангуртут позволяют реконструировать палеогеографическую ситуацию в эпоху неолита и поздней бронзы на юге Таджикистана. В нижнем слое поселения, относящемся к гиссарскому неолиту, Е. А. Спиридонова выделяет пыльцу древесных пород – березы (13% от общего видового состава). На долю трав приходится 69–70% и 17–18% принадлежат спорам, где господствуют зеленые мхи. Состав спектров свидетельствует о теплом и влажном климате. Споро-пыльцевые комплексы из горизонтов поселения Кангуртут, относящихся уже к эпохе бронзы, отличны от предыдущего неолитического комплекса. Пыльца травянистых и кустарничковых растений составляет в спектре 95%, а древесных пород – практически отсутствует. В растительном покрове преобладают степные группировки, свидетельствующие о большой сухости климата эпохи поздней бронзы по сравнению с гиссарским неолитом.

Некоторые исследователи (Ранов 1998: 107) придерживаются мнения, что гиссарская неолитическая культура в горных районах Таджикистана доживает до прихода племен эпохи поздней бронзы. Приведенные выше палеоботанические данные не подтверждают эту точку зрения. Они косвенно свидетельствуют о временном разрыве между концом гиссарской неолитической культуры и позднебронзовым веком в данном регионе, что подкрепляется и радиоуглеродными датами: 2710 ± 120 г. до н. э. для гиссарского слоя поселения Кангуртут (Ранов 1998: 107) и 1594 или 1291 г. до н. э. для слоя бронзового века этого

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 03-01-00104а.

² Россия. 103031. Москва, ул. Рождественка, 12. Институт востоковедения РАН.

³ Хотя традиционно выделяется две культуры, часть авторов (Кузьмина 1972: 138; Аскарков 1977: 115) считают более правильным говорить о единой культуре. Автор данной статьи также придерживается мнения о единой бешкентско-вахшской культуре с двумя или несколькими локальными вариантами, внутри которых могут быть выделены отдельные хронологические фазы (Виноградова 1996: 32; Vinogradova 2000: 89).

⁴ Процесс инфильтрации андроновских племен на юг был относительно медленным и мирным; никаких следов гибели земледельческих поселений не наблюдается. При этом могло происходить оседание и «растворение» степняков среди населения земледельческих оазисов. Андроновцы появляются в сапаллинской культуре впервые на кузалинском этапе и особенно активно проявляются позднее, на молалинском и бустанском этапах (Аскарков 1989: 158; Avanesova 1996: 141; Vinogradova 1993: 289).

⁵ Анализ проведен сотрудником Института археологии РАН Е. А. Спиридоновой.

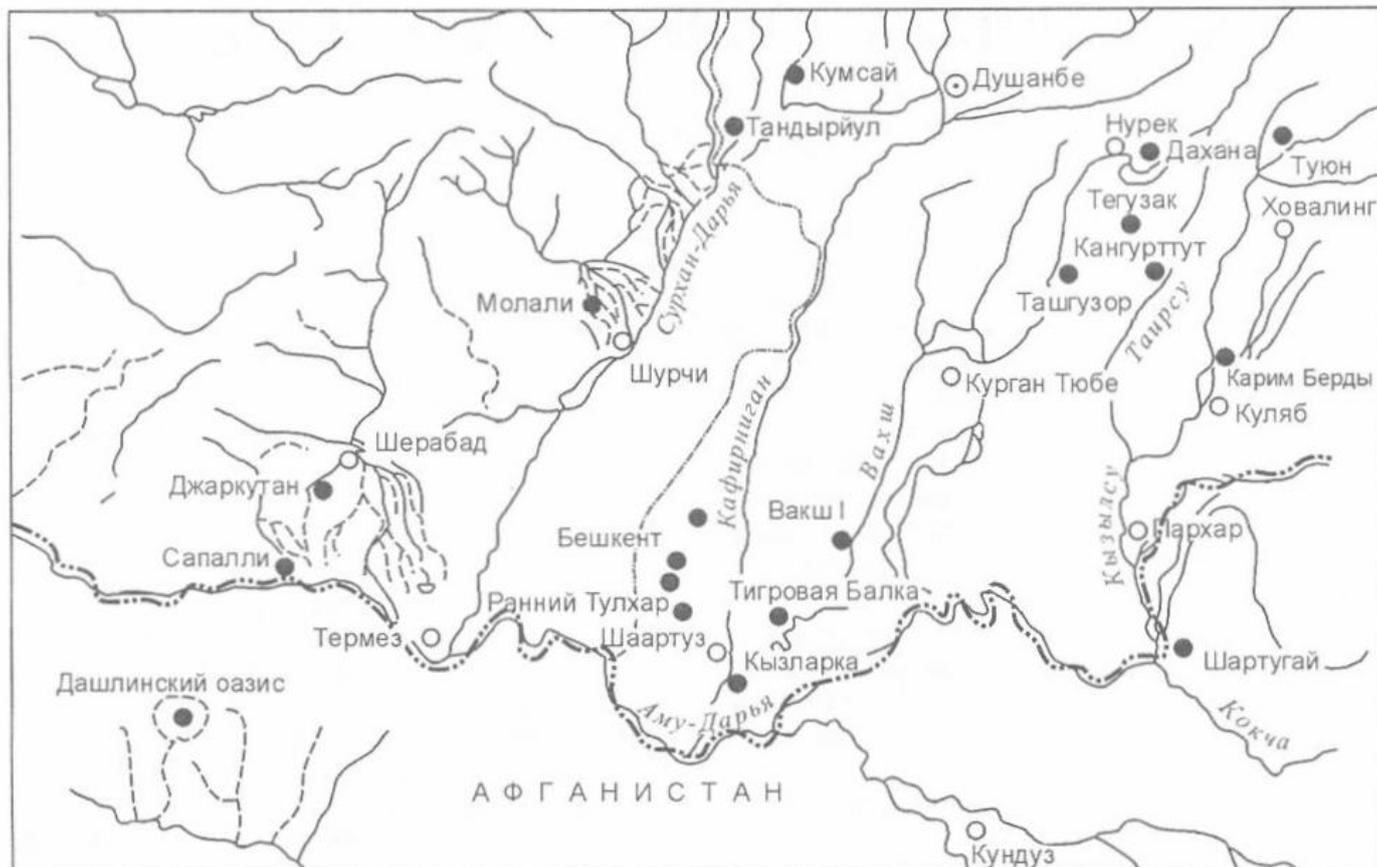

Рис. 1. Карта памятников.

Fig. 1. Map of sites.

же памятника. Этот хронологический разрыв мог составлять около 1000 лет.

Расселение земледельческих племен в Южном Таджикистане носило оазисный характер. Археологические материалы позволяют выделить три земледельческих оазиса (рис. 1): 1) Гиссарская долина; 2) долины в среднем течении р. Вахш в районе Нурека, Туткаула и верховьев р. Таирсу; 3) Пархаро-Кулябские долины (бассейн р. Кызылсу)⁶. Для поселений древними земледельцами выбирались земли в предгорной зоне, одинаково пригодной для земледелия и скотоводства. В предгорьях выпадало достаточное количество атмосферных осадков для богарного земледелия, подгорная равнина была удобна для орошения. Основным источником орошения были притоки рек, из которых выводились каналы на выходе из гор.

1. Гиссарская долина⁷ граничит с юго-запада с Сурхандарьинской долиной, где были раскопаны многочисленные памятники поздних этапов сапаллинской культуры (Аскаров, Ширинов 1993). В Гиссарской долине известны два древнеземледельческих некрополя – Тандырйул и Заркамар (Виноградова 1991: 68). Отдельные погребения эпохи бронзы открыты на кушанских памятниках Туп-Хона (Дьяконов 1950: 176) и Кара-Пачок (Виноградова, Пьян-

кова 1983: 62). Следы земледельческого поселения найдены П. Т. Самойликом в нижних слоях Гиссарской крепости⁸.

Лучше всего исследован могильник Тандырйул. Он находится на второй надпойменной террасе левого берега р. Каратаг у кишлака Негмат Бача Турсунзадевского района (Антонова, Виноградова 1979: 93). Терраса в этом месте представляет собой лессовый склон в предадырной части. Рядом с кладбищем, возможно, находилось поселение⁹.

Всего раскопано 34 погребения, большинство из них были разграблены еще в древности. На древней поверхности могилы отмечены камнями закладов входных ям. Конструкция – подбойно-катакомбные захоронения с заполнением входной ямы камнем. При сооружении очень удачно используется рельеф местности – погребальная камера всегда выкапывается в сторону повышения склона. Имеют место погребения в простых ямах. Способ захоронения – трупоположение. Погребенный лежит в скорченном положении, на левом или правом боку, головой на северо-восток или юго-восток. Зафиксированы кенотафы со скульптурой из необожженной глины (погребение № 2). Отмечены случаи нахождения угля на дне могилы и обожженности костей скелета. Полученные антропологические данные не позволяют

⁶ В данной статье, в первую очередь, освещаются результаты исследований земледельческих памятников оазиса.

⁷ Гиссарский земледельческий оазис был впервые выделен Э. В. Ртвеладзе (Пугаченкова, Ртвеладзе 1990: 14).

⁸ К сожалению, результаты исследований не опубликованы.

⁹ На поле встречаются находки зерноотерок, керамики эпохи бронзы и ахеменидского времени.

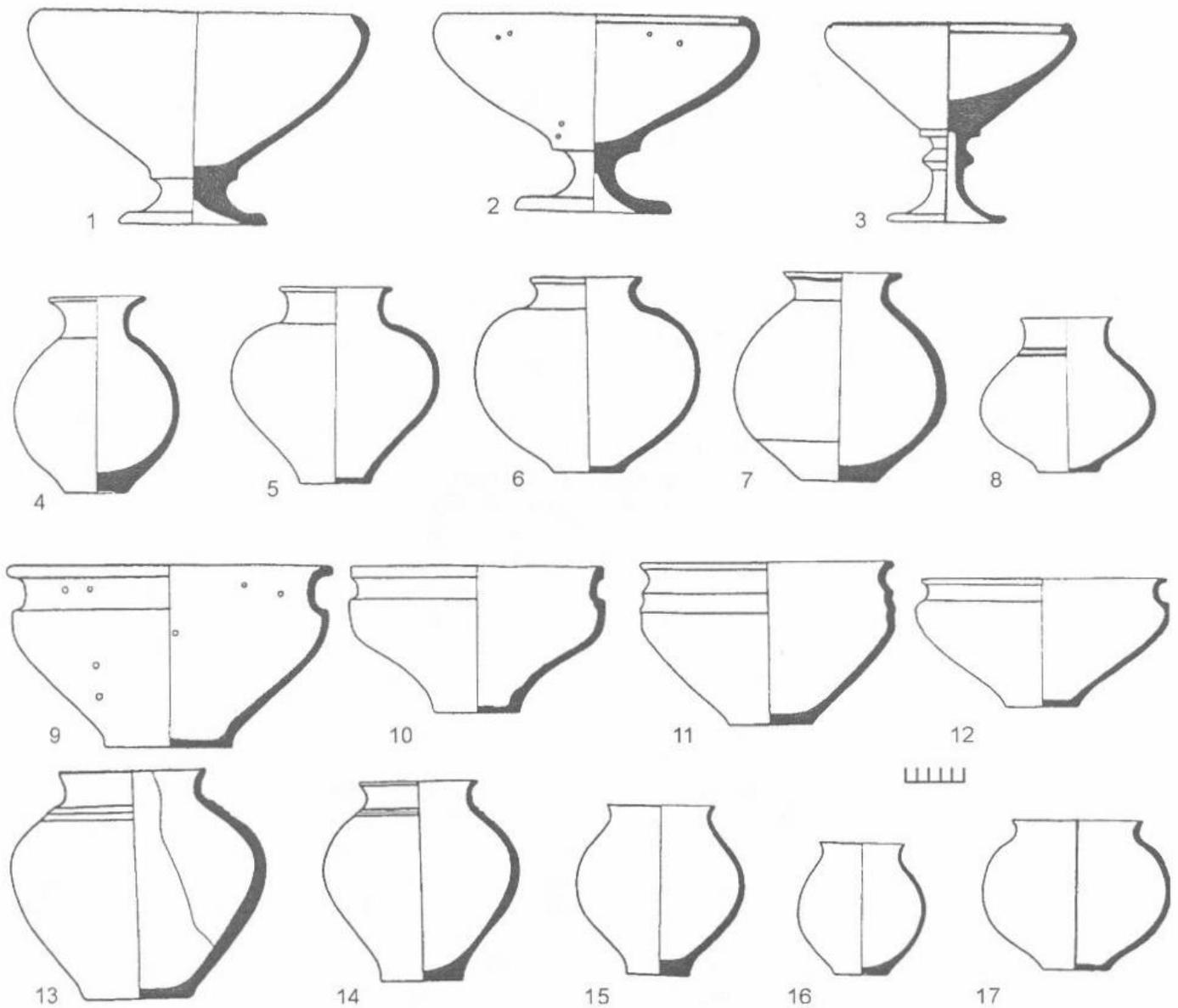

Рис. 2. Могильник Тандырыул. Круговая керамика.

Fig. 2. Cemetery of Tandyryul. Wheel-made pottery.

с точностью определить соотношение пола погребенного с его положением в могиле. Предположительно, можно говорить, что мужчины хоронились на правом боку, а женщины на левом. В некоторых случаях это правило могло не соблюдаться. Антропологически погребенные относятся к европеоидному восточно-средиземноморскому типу (Кияткина 1987: 22).

За исключением инвентаря погребения № 25 с типично андроновским набором вещей и двух захоронений №№ 9 и 10 с бешкентско-вахшской керамикой, весь материал характерен для земледельческих

памятников сапаллинской культуры молалинско-бустанского этапов¹⁰ (рис. 2). Имеются случаи нахождения андроновской и бешкентско-вахшской керамики в могилах с инвентарем, характерным для сапаллинской культуры.

Погребальный инвентарь состоит из сосудов (до 9 шт.), металлических предметов (миниатюрные ножички, пластины, пронизки, серьги), украшений из камня и пасты, керамических наверший, пряслиц и фигурок из необожженной глины. Встречаются кости животных. Наблюдаются некоторые закономер-

¹⁰ Первоначально А. Аскарлов на основе материалов из Сапаллитепа и Джаркутана выделяет в культуре Сапалли три хронологических этапа: сапаллинский (нижний слой Сапаллитепа), джаркутанский (верхний слой Сапаллитепа, нижний слой Джаркутана) и молалинский (верхний слой Джаркутана) (Аскарлов 1977: 60–63). В дальнейшем молалинский этап был разделен на два хронологических последовательных этапа – кузалинский и молалинский (Аскарлов, Абдуллаев, 1983: 40). Накопление новых материалов с поселения Джаркутан и могильников Джаркутан IVb и Бустан IV, V позволило У. Рахманову подразделить молалинский этап на две хронологические ступени: собственно молалинскую и бустанскую (Рахманов 1987: 13). А. Аскарлов и Т. Ширинов предлагают разделить археологические комплексы Джаркутана на три периода, обозначив их римскими цифрами как Джаркутан I, II, III, соответствующие выделенным ранее джаркутанскому, кузалинскому и молалинскому этапам сапаллинской культуры (Аскарлов, Ширинов 1993: 81, 82). В дальнейшем Т. Ширинов и С. Баратов, исходя из результатов исследований могильника Джаркутан 4с, разделили этап Джаркутан III на две ступени – Джаркутан IIIa (= период Молали) и Джаркутан IIIb (= период Бустан) (Širinov, Baratov, 1997: 88).

ности расположения вещей, сопровождавших погребенных: сосуды – около головы¹¹, топоровидные амулеты – около рук и ног; пастовые бусы – около головы или таза; прясла – около головы; бронзовые бусы – на руках, около таза; бронзовые серьги и подвески – около головы; бронзовые ножевидные пластины – в вазах.

Основное место в погребальном инвентаре занимает керамика. Посуда, характерная для сапаллинской культуры, представлена на могильнике круговой керамикой, с ангобом беловатого цвета. Применяется вертикальное и горизонтальное лощение. Тесто очень хорошего качества с примесью песка, шамота, дресвы. Различаются следующие формы:

1) Вазы (чаши на ножке):

а) чаши на невысокой полый ножке с дисковидным основанием. Резервуар чаши – конический, с загибающимся внутрь венчиком. Переход от резервуара к ножке обозначен уступом (рис. 2: 1, 2). Иногда на тулове сосуда видны следы древнего ремонта (рис. 2: 2).

б) отличается от предыдущего варианта высокой ножкой и ребром на стебле ножки (рис. 2: 3). Примечательно, что высота ножки равна высоте резервуара чаши.

2) Кувшины: сосуды с высоким узким выделенным горлом, шаровидным туловом (рис. 2: 4, 6, 7) и придонной частью конусовидной формы. Выделяются биконические формы, когда линия максимального диаметра (МД) делит сосуд на две равные части (рис. 2: 8). Встречаются кувшины со слегка приподнятыми плечиками (линия МД находится в верхней части сосуда, рис. 2: 5).

3) Кратеровидные сосуды (тагора): глубокие чаши с широким устьем, отогнутым наружу венчиком, высоким выделенным горлом и конусовидной нижней частью. Плечики сосуда плавно переходят в тулово (рис. 2: 12) или оформлены острым ребристым краем (рис. 2: 9, 10) и каннелюрами (рис. 2: 11). На некоторых кратерах отмечен венчик клововидной формы (рис. 2: 10).

4) Небольшие горшковидные сосуды изящных форм со слегка отогнутым наружу венчиком, шаровидным туловом и конусовидной нижней частью (рис. 2: 15–17). Условно мы называем эту форму “кубком”, чтобы в дальнейшем отличить их от больших горшковидных сосудов. Имеются переходные формы между кувшином и “кубком” (рис. 2: 13, 14).

Особую категорию погребального инвентаря составляет скульптура из необожженной глины. Скульптурное изображение человека в сидячей позе из погребения № 2 – кенотафа (рис. 3: 1). Фигура высотой 37,5 см вылеплена объемно. Лицо – овалных очертаний, с крупным удлиненным носом; глаза – щелевидные. Подбородок – плоский, лопатообразной формы, с тонкими вертикальными линиями, изображающими бороду. Полностью вылепленная

левая рука протянута вперед и вверх до уровня груди. Рядом с левой кистью расположена горизонтально только кисть правой руки. На них лежит предмет прямоугольной формы с боковым отверстием. Вытянутая нога, как и рука, – единственная изображенная. Стопы, однако, изображены две. Неглубокими черточками показаны пальцы ног. Голова лепилась отдельно и укреплялась специальным деревянным штырем. Необходимо отметить тот факт, что скульптура, изображающая мужскую фигуру, положена на правый бок.

Вторая скульптура изображает «льва» (погребение № 4, рис. 3: 2). Объемная фигура высотой 27,5 см сохранилась фрагментарно. Голова приподнята и заканчивается небольшим плоским поперечным гребнем. Морда вылеплена реалистично: большие миндалевидные глаза с выделенными зрачками, узкий, длинный нос, треугольный, несколько выступающий подбородок и маленькая пасть. Шею окаймляет прямоугольный «воротничок». Туловище – прямоугольное со столбчатой ножкой почти кубической формы.

Во многих погребениях с земледельческим инвентарем встречаются предметы из бронзы. Среди них найдено значительное число (64 шт.) бронзовых пронизок цилиндрической формы (рис. 4: 18, 19). Встречаются небольшие миниатюрные ножички, пластины с линзовидным сечением, крючок (рис. 4: 1–13, 15–17). Металлом для изготовления всех предметов служила металлургическая медь с добавками олова, свинца, мышьяка. Обращает на себя внимание большой процент олова – от 5% до 14% (Виноградова 1991: 85).

Из глиняных предметов в могилах найдены навершия, внешне очень похожие на пряслица, но без сквозного отверстия. Встречаются и пряслица из обожженной или необожженной глины. В нескольких погребениях были найдены амулеты топоровидной формы из лазурита, пасты и черно-зеленой яшмы (рис. 4: 21–23). Из других украшений следует упомянуть пастовые двух- и трехсоставные пронизки, пастовые бусы и бусы из халцедона (рис. 4: 20) и мраморовидного оникса. Из разрушенных погребений происходит каменная гиря и колонка из сероватого мраморовидного камня (рис. 4: 24, 25).

Из случайных находок рассматриваемого региона следует упомянуть медные топоры из кишлаков Аракчин, вблизи Варзоба и Шаршар к югу от г. Душанбе (Кузьмина 1966: 8, 19) (рис. 15: 4, 5). Бронзовый кинжал луристанско-закавказского типа найден в кишлаке Рамит, недалеко от г. Душанбе (Литвинский 1964: 145, рис. 10) (рис. 15: 6). Известны также находки земледельческой керамики сапаллинской культуры молали-бустанского типа из разрушенных погребений около г. Орджоникидзобада и бронзового зеркала с ручкой (рис. 15: 3) в кишлаке Кара-Пичок (Виноградова, Пьянкова 1983: 63).

¹¹ В ряде случаев рядом с верхними камнями заклада входной ямы обнаружены целые сосуды, перевернутые на бок или вверх дном. Этот факт можно рассматривать как свидетельство трезны или как результат ограбления могильной ямы.

Рис. 3. Могильник Тандырыул. Глиняная скульптура.
 Fig. 3. Cemetery of Tandyryul. Clay sculpture.

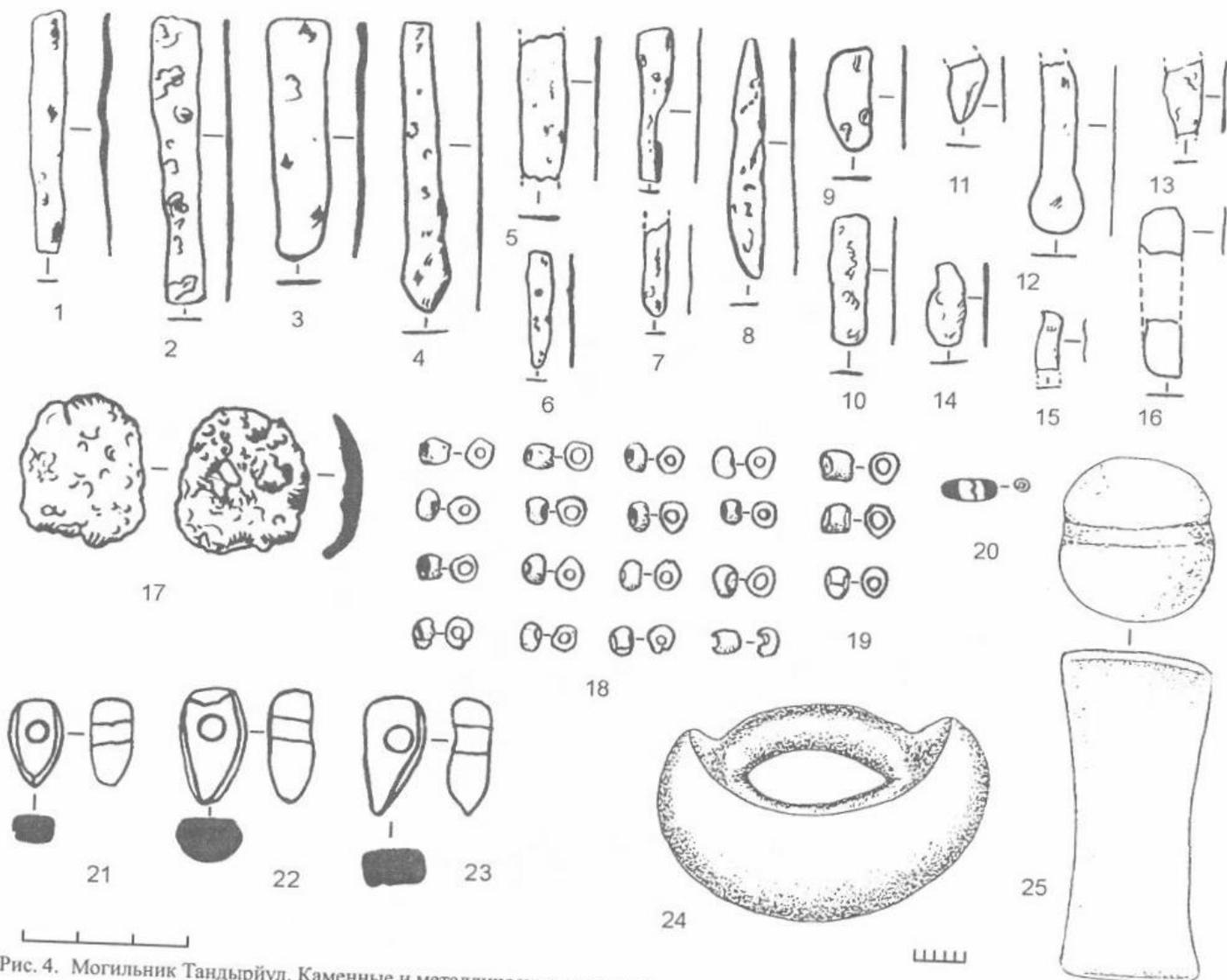

Рис. 4. Могильник Тандырыул. Каменные и металлические предметы.
 Fig. 4. Cemetery of Tandyryul. Stone and metal objects.

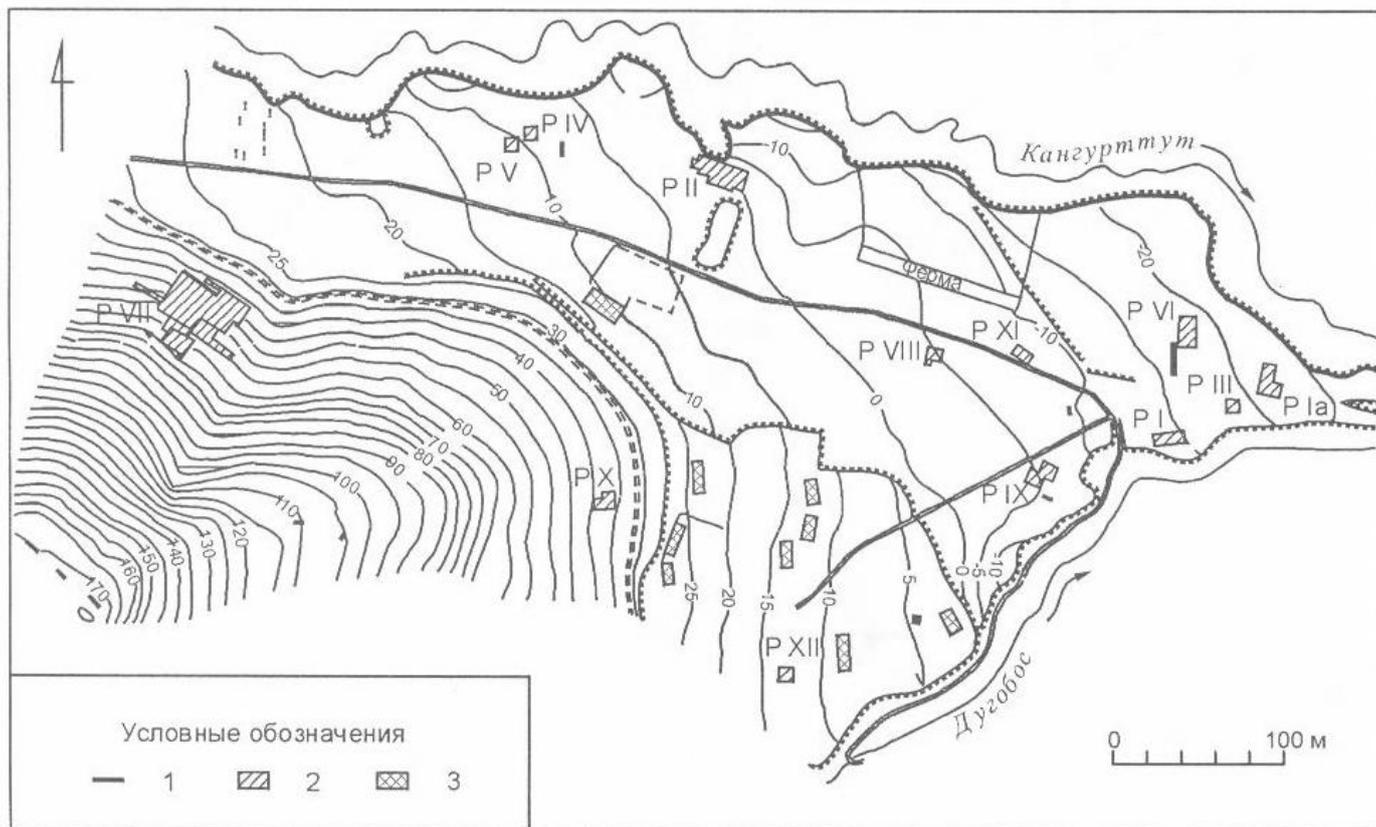

Рис. 5. План поселения Кангурттут.

Fig. 5. Plan of the settlement of Kangurttut.

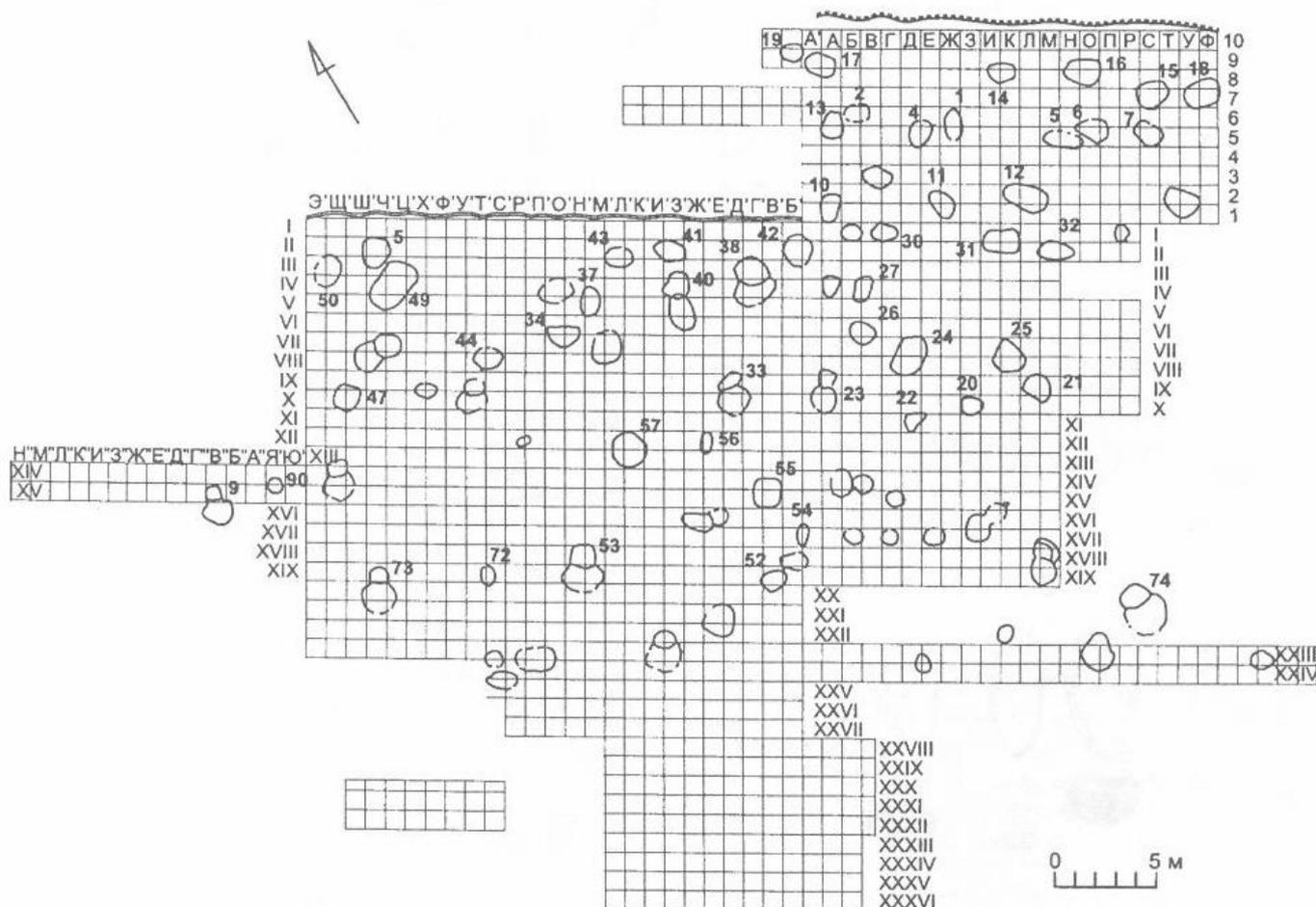

Рис. 6. План могильника Кангурттут.

Fig. 6. Plan of the cemetery of Kangurttut.

2. Памятники среднего течения р. Вахш и верховьев р. Таирсу

В этом оазисе известно несколько земледельческих поселений и некрополей: Кангурттут, Дахана, Тегузак, Бараки Куруг и нурекские могильники (рис. 1).

Кангурттут (рис. 5) исследовался в течение нескольких лет (Виноградова 1987; Vinogradova 1994; Виноградова 2000). Рядом с поселением открыт могильник (рис. 6). Памятник находится в горной долине около кишлака Кангурттут Дангаринского района. Долина представляет собой высокий мыс, образованный двумя саями Кангурттут и Дугобоз. Сая сливаются в более мощный ручей Курусай, который впадает в р. Таирсу. С западной стороны поселение связано по ущелью с другими памятниками (нурекские могильники и поселения Тегузак, Дахана)¹². По сведениям местных жителей, площадь мыса обводнялась в прошлом арыком, выведенным из р. Кангурттут¹³.

Площадь и стратиграфия поселения. На поверхности памятник внешне никак не проявляется. Общая площадь поселения составляет примерно 500 x 300 м. Культурный слой бронзового века – от 0,5 до 2,7 м. На некоторых раскопах, в юго-восточной части поселения он подстилается неолитическим слоем гиссарского неолита (0,2–0,6 м), при этом hiatus между слоями не наблюдается. В верхних горизонтах поселения встречается керамика раннежелезного века – Яз I, позднеантичного и средневекового времени.

Планировка. Жилища, хозяйственные постройки и мастерские. Раскопками выявлены некоторые характерные черты в общей планировке и строительстве жилых и хозяйственных объектов. Большинство из них открыто по краям поселения, центральная часть которого не застроена. Часто дома сооружаются на склоне с применением террасирования. Жилые и хозяйственные постройки разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Регулярной планировки в застройке поселения не выявляется, но определенная ориентировка при строительстве жилища и хозяйственных объектов существует¹⁴. На восточной окраине поселения найдено несколько гончарных горнов (раскоп Ia).

Большой строительный комплекс с хозяйственными помещениями и двором открыт на раскопе II (рис. 7). При строительстве применялось террасирование. Раскопанное полностью здание¹⁵ ориентировано по линии северо-запад – юго-восток (углы – по странам света). Оно прямоугольной формы (18 x 6,7 м) с двумя центрально симметричными входами в торцовых стенах (С и Е). Сохранились каменные

фундаменты стен высотой от 0,3 до 0,5 м, а сами стены были сложены из пахсы. Первый вход шириной 1,2 м, ведущий в сооружение со стороны двора, оформлен порогом, двумя ступеньками и каменным подпятником для двери. У другого прохода шириной 1,2 м расчищено три подпятника, положенных один на другой. Вдоль стены D, являвшейся одновременно подпорной стеной террасы, и под ней открыты каменные конструкции в форме «цветка» (диаметр – 0,6–0,7 м; высота – 0,3 м) и ящика (0,5 x 0,5 м; высота – 0,3 м). Подобные каменные «цветки» расчищены и в других местах здания. В юго-восточном углу помещения находилось небольшое возвышение (0,5 x 2 м), выложенное из плоских камней. Полы – лессовые, сильно «утопанные». Находок мало, только на полу найдены скопления керамики, пряслица (рис. 10: 17), веретено. С северо-восточной стороны здания располагается ряд хозяйственных помещений с развалами больших сосудов, зернотерок и терочников, здесь же найден бронзовый нож. Во дворе расчищена подпорная каменная стена террасы значительных размеров (высота – 1,7 м, длина – 3,8 м) и несколько хозяйственных ям с каменными выкладками по краю.

Данный жилой комплекс неоднократно ремонтировался и перестраивался; укреплялась подпорная стена D шириной 1,2 м. По заключению архитектора Н. Байматовой, планировка сооружения (рис. 7) очень близка плану «айванного» жилого дома, традиционного для многих областей Средней Азии.

Ряд хозяйственно-производственных комплексов найден в восточной части поселения (раскопы I, Ia, III, VI, VIII, IX). На раскопе VI зафиксирована наибольшая толщина культурного слоя (2,7 м) и прослеживается несколько строительных периодов. В нижнем строительном горизонте непосредственно на слое гиссарского неолита расчищена часть хозяйственного комплекса с двором, печами и ямами (Vinogradova 1994: 39). Раскопано помещение (7 x 4 м) с открытой стороной во двор. Сохранились фундаменты каменных стен высотой 0,4 м. В одной из стен имеется проход шириной 0,9 м. Вход оформлен порогом и каменным подпятником. Углами помещение ориентировано по линии север-юг, восток-запад. Полы не прослеживались, но горизонтальная поверхность с золистыми пятнами четко читалась. Во дворе открыты две печи. Одна из них овальная в плане (0,9 x 0,7 м; высотой 0,6 м), несколько заглублена в землю. Другая печь диаметром 0,9 м сложена из сырцовых кирпичей¹⁶ на специальной глиняной платформе и имела, скорее всего, кирпичный свод. Около устья печи расчищен большой зольник (1,8 x 1 м). Во дворе раскопано еще несколько хозяйственных ям,

¹² В древности по ущелью проходил караванный путь из кишлаков в районе Нурска в Кангурттут.

¹³ В этом районе очень распространено богарное земледелие на лессовых склонах, главным образом выращиваются зерновые и бахчевые культуры. Годовое количество осадков колеблется от 350 до 500 мм в год и вполне достаточно для произрастания злаков.

¹⁴ По этнографическим данным это может быть связано с постоянным направлением ветра в горных долинах, где стараются строить так, чтобы входная дверь была обращена в подветренную сторону (Андреев: 1958: 431).

¹⁵ Часть постройки около сая разрушена селевыми потоками.

¹⁶ Размеры кирпичей 27 x 27 x 12 см; 27 x 20 x 12 см.

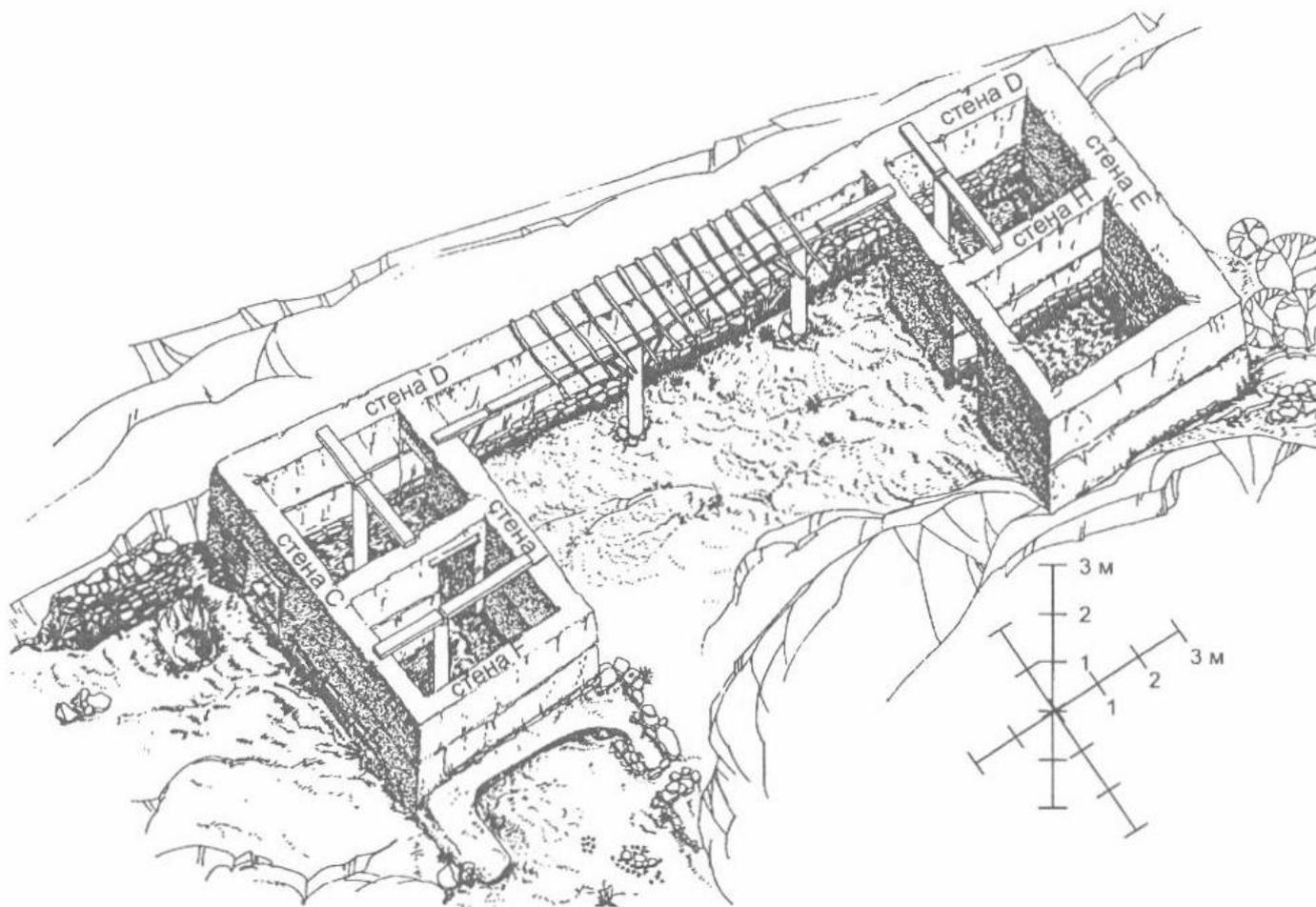

Рис. 7. Поселение Кангуртут. Реконструкция жилища (Раскоп II).

Fig. 7. Settlement of Kangurtut. Reconstruction of a dwelling-unit (Excavation II).

на дне одной из них лежали две зернотерки и два терочника.

Второй строительный горизонт отмечен развалами каменных стен, керамики и небольшого очага диаметром 0,65 м. Рядом с одним из керамических скоплений найден бронзовый нож и бронзовая пуговица (рис. 10: 12)

Нижняя граница III верхнего строительного горизонта фиксируется каменными основаниями стен какого-то сооружения и развалами пахсы.

На раскопе IX (рис. 5) также открыта часть большого хозяйственного комплекса, с каменными фундаментами стен дома размером 3,2 x 2,1 м. Ширина и высота каменных фундаментов колеблется в пределах 0,2–0,4 м. Помещение открыто в сторону двора и ориентировано длинной осью по линии северо-восток – юго-запад, а углами – по странам света. Во дворе и в помещении хозяйственного комплекса в большом количестве найдены зернотерки (50 шт.), песты, ударники, многочисленные фрагменты керамики, прясла, бронзовый нож и часть зооморфного сосуда в виде глиняной головки птицы (рис. 10: 18).

Раскоп XI находится в северо-восточной части поселения. Исследованиями выявлено 2 строительных горизонта. К верхнему строительному горизонту относятся остатки каменной стены длиной 2,2 м и многочисленные фрагменты керамики и каменных орудий труда. В нижнем строительном горизонте

открыты четыре гончарных печи, от которых сохранились лишь топочные камеры, частично впущенные в нижележащий слой гиссарского неолита и материк (рис. 8: 1, 2).

Печь № 1 – округлой формы (1,4 x 1,4 м), с топочным устьем (0,4 x 0,4 м); внутренний диаметр печи – 0,75 x 0,7 м; глубина топочной камеры – 2,1 м; толщина стенок достигает 6,5 см (рис. 8: 3). В верхней части фрагментарно сохранился под обжигательной камерой с четырьмя жаропроводящими отверстиями. Стенки и дно топочной камеры сильно прокалены. На дне камеры обнаружены обломки рухнувшего свода, керамика, камни, куски шлака, обломки кирпичей. Зафиксированы некоторые архитектурные детали верхней обжигательной камеры. Свод обжигательной камеры был, вероятно, кирпично-купольным. Перекрытие сооружалось, видимо, напуском внутрь кирпичей верхних рядов стен. Размеры кирпичей из-за их фрагментарности установить трудно.

Печь № 2 – округлой формы (1,1 x 1,05 м), с топочным устьем (0,4 x 0,38 м); толщина стенок – 5–7 см (рис. 8: 1); глубина топочной камеры – 1,1 м. В ее заполнении расчищены обломки кирпичей, керамика и куски шлака.

Печь № 3 – округлой формы (1,1 x 1,15 м), без устья сохранилась на глубину 0,7 м (рис. 8: 5). Чрезвычайно интересен тот факт, что на втором этапе

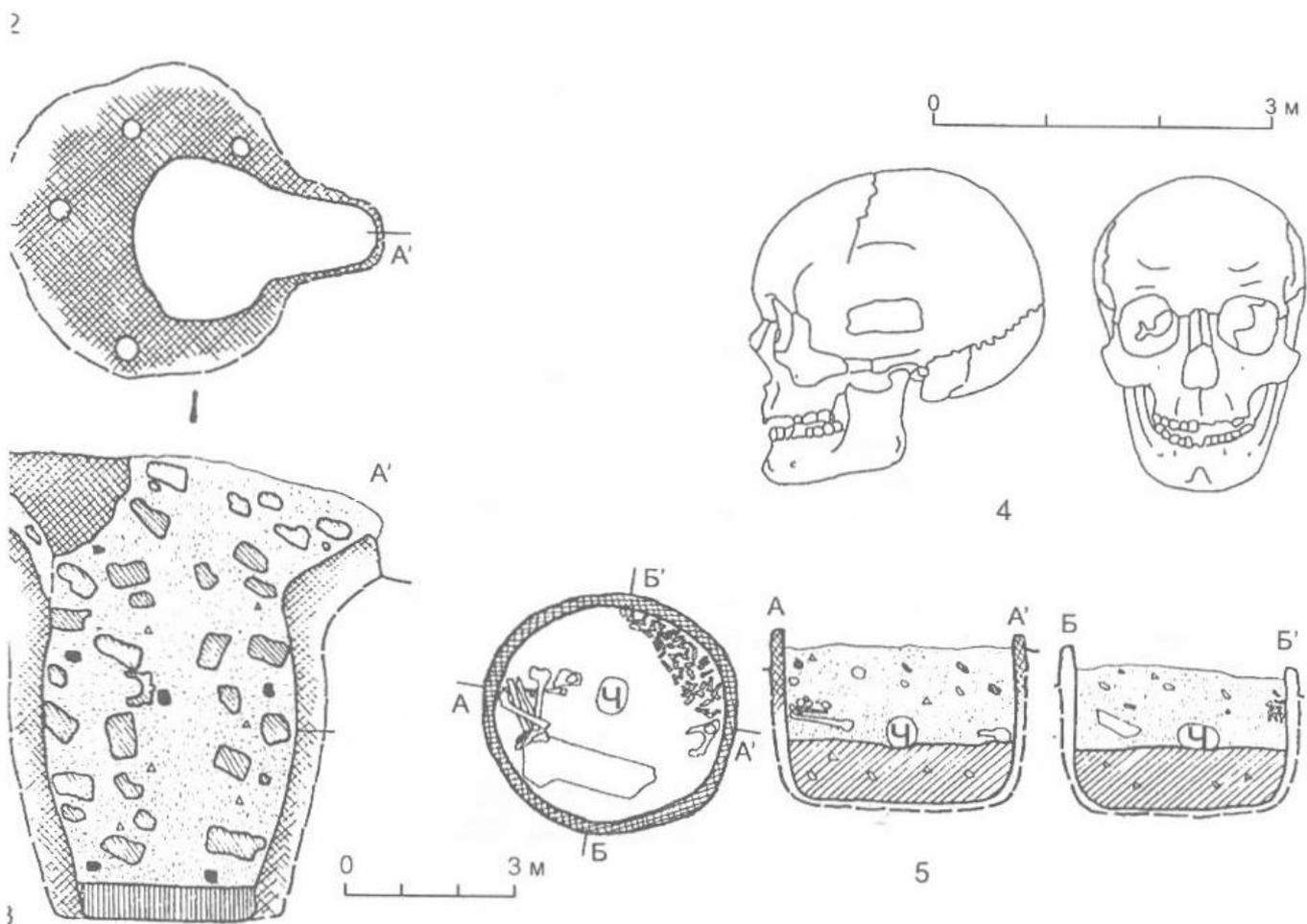
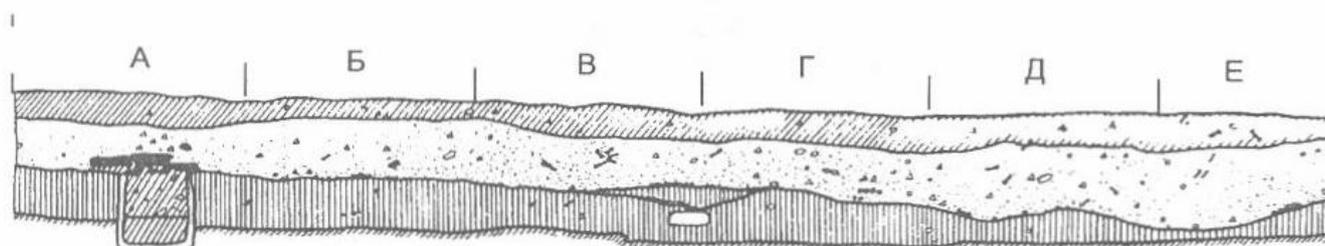
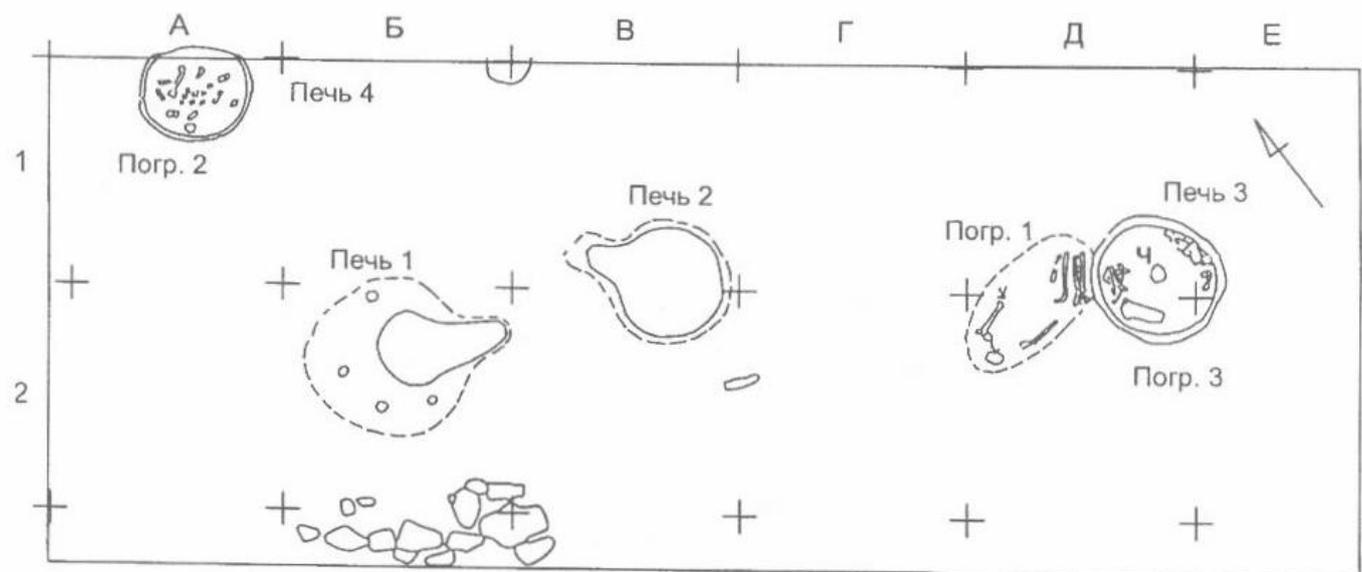

Рис. 8. Поселение Кангурттут. Раскоп XI.

Fig. 8. Settlement of Kangurttut. Excavation XI.

существования поселения печь использовалась как погребальная камера. Захоронение совершено в тщательно очищенной от обломков свода печи, дно которой было предварительно утрамбовано плотной глиной. В центре камеры лежал череп человека (рис. 8: 4), к северо-западу от него были сложены в кучу длинные кости ног¹⁷. Кроме костей, на дне камеры лежали плоский камень и фрагмент ножки вазы плохой сохранности, слабого обжига. Затем погребение было засыпано землей и совершена тризна, о чем свидетельствуют многочисленные кости молодого ягненка и крупного рогатого скота¹⁸.

Печь № 4 (0,9 x 0,95 м; глубина – 0,67 м; толщина стенок около 5 см) также использовалась в качестве погребальной камеры. Топочная часть печи предварительно была очищена от обломков кирпичей, сделана подсыпка и на ней произведено захоронение, от которого сохранились фрагменты черепа человека, нижняя челюсть, одна длинная берцовая кость и несколько мелких костей¹⁹. В заполнении печи найдены кости животных.

Две печи-горна (раскоп Ia) открыты на самой восточной окраине поселения. Они находятся на расстоянии 6 м друг от друга. Сохранились топочные камеры, выкопанные в слое гиссарского неолита и в материке. Одна из печей – эллипсоидной формы (1,75 x 0,96 м), глубиной 1,66 м. Другая печь – лучшей сохранности (1,9 x 1,8 м), глубиной 2,2 м с топочным устьем в восточной части. В заполнении топочных камер обнаружены обломки обожженных кирпичей, камни, каменные орудия труда, керамика. Судя по обломкам кирпичей, свод обжигательной камеры был, вероятно, кирпично-купольным.

В центральной части поселения было заложено несколько шурфов и раскоп VIII. Значительных культурных остатков здесь не выявлено. По всей видимости, эта часть не застраивалась. На окраине поселения, в северо-западной его части раскопаны две мусорные кучи (раскопы IV, V). В них в большом количестве расчищены скопления камней, керамика, кости животных. Интересны находки литейной формы (рис. 10: 1), глиняной головки лошади или собаки (рис. 10: 19). На раскопах IV и V открыты погребения ребенка и собаки.

Археологический материал поселения представлен находками керамики, каменных орудий труда,

металлическими изделиями, пряслицами, антропоморфными и зооморфными статуэтками, пряслицами, бусами.

Анализируя керамический материал, следует отметить, что различий в формах сосудов по строительным горизонтам не прослеживается, за исключением некоторых форм лепной посуды. Вся керамика разделяется на две группы: гончарная (более 90%) и лепная. Круговая посуда представлена тонкостенной и толстостенной керамикой. Тесто хорошего качества, обжиг в большинстве случаев ровный, цвет глины от беловато-зеленого до кирпично-красного. Внешняя поверхность покрыта белым «ангобом»²⁰, очень редко окрашивается до обжига охристой краской²¹. В тесте глины имеется примесь песка, шамота, дресвы²². Как правило, в верхней части сосудов сохраняются следы вертикального и горизонтального лощения; горло и плечики украшались волнистыми или горизонтальными линиями; отмечены вырезанные на стенках знаки, напоминающие греческую букву «фи».

Выделяются следующие формы:

1) Вазы (чаши на ножке):

а) чаши на высокой полой ножке с дисковидным основанием (рис. 9: 1). Резервуар чаши конический. Переход от резервуара к ножке обозначен несколькими сложнопрофилированными уступами;

б) отличается от предыдущего варианта невысокой ножкой (рис. 9: 6);

в) чаши на высоком поддоне (рис. 9: 7).

2) Горшковидные сосуды с отогнутым наружу венчиком, шаровидным туловом и с подкосом в нижней части. В некоторых случаях венчик имеет сложнопрофилированный или крюковидный профиль (рис. 9: 15, 18–20).

3) Глубокие кратеровидные сосуды типа тагора с широким устьем, высокой конической нижней частью и венчиками разнообразной формы (рис. 9: 9, 10). Особый интерес представляет сосуд с высоким горлом.

4) Миски мелкие и глубокие с различным профилем венчика (рис. 9: 11–13).

5) Кувшины с высоким горлом, которое так же, как и плечики, часто орнаментируется горизонтально прочерченными линиями.

6) «Кубки» с отогнутым наружу или загнутым внутрь венчиком²³. У кубков наблюдается бикониче-

¹⁷ По заключению Л. Т. Яблонского, череп женщины 17–30 лет обнаруживает наибольшее сходство с тазабагыяской серией черепов и андроновцами Восточного Казахстана. Согласно выводам Т. П. Кияткиной, череп относится к южному грацильному европеоидному средиземноморскому типу.

¹⁸ Определения костей животных проведены сотрудницей ИА РАН Е. Е. Антипиной.

¹⁹ По определению антрополога Д. В. Пежемского, кости принадлежат мужчине 35–45 лет.

²⁰ Так называемый белый ангоб получается при обжиге сосудов мизяком. Определение сотрудника ИА РАН А. А. Бобринского.

²¹ Определение А. А. Бобринского.

²² Сама глина для лепки сосудов добывалась, скорее всего, рядом с поселением. Местные жители указывают места добычи гончарной глины в с/е Кангуртут. Глины здесь пластичные, зеленого цвета. Технологический анализ керамики, проведенный в Институте научных новых технологий и сохранения художественного наследия (г. Рим) с помощью оптического исследования и рентгеновских лучей X привели итальянских исследователей Карделлини Ф., Ди Бартоломео А., Гвиди Г. Ф. к следующим заключениям: 1) гранулометрический состав керамического замеса представляет собой достаточно очищенную глину; 2) дифрактометрический анализ пыли выявил наличие кварца (использовался как обезжиривающее вещество), кальцита, доломита, альбита и слюды; 3) температура обжига керамики составляет 800–950° С. Петрографический анализ керамики выполнен сотрудником Санкт-петербургского университета Г. М. Ковнурко (†).

²³ Термин «кубок» – название условное, так как эта форма не имеет ножки. Отличается небольшими размерами и тонкими стенками сосуда. В археологической литературе эта форма часто определяется как горшок.

ская форма тулова или плечики тулова располагаются в нижней части сосуда.

7) Редкая форма – сосуд с носиком (рис. 9: 37).

8) Бутылкообразные сосуды с узким высоким горлом и биконической формой тулова представлены одним экземпляром (рис. 9: 14).

9) Керамические подставки (рис. 9: 8).

10) Большие хумовидные сосуды с небольшим устьем, шаровидным туловом и нижней частью с подносом. Венчик в большинстве случаев имеет валикообразный профиль (рис. 9: 16, 17).

Вторую категорию сосудов составляет лепная посуда (менее 10%), подразделяющаяся, в свою очередь, на две группы: 1) так называемая столовая посуда с примесью кварца, шамота и алевролита (обломки горных пород) в тесте. Различаются формы горшковидных сосудов, кубков, чедилок, мисок и чаш; 2) так называемая кухонная сероглиняная посуда из грубого теста с примесью песка и измельченной раковины. Встречаются формы горшковидных сосудов (рис. 9: 22, 23), в том числе и с налетом на венчике (рис. 9: 24).

Степная керамика андроновского типа составляет менее 1%. В качестве отощителя глины преимущественно используется кварц. Орнамент углубленный, иногда употреблялся гладкий и гребенчатый штамп (рис. 9: 26–28, 30–34). Здесь доминирует орнамент вертикальных рядов треугольников, входящих друг в друга. Встречаются и каннелюры (рис. 9: 27–34), что также характерно для андроновской керамики (Виноградова 2000: 97, рис. 8).

На поселении найдена и керамика, характерная для бешкентско-вахшской культуры и представленная большими круглодонными горшковидными сосудами (рис. 9: 25).

Металлические изделия

На поселении найдены следующие бронзовые предметы: ножи-серпы, относящиеся к типу так называемых хвостатых ножей (рис. 10: 4, 5); серпы (рис. 10: 10); ножи-кинжалы листовидной формы и черешковые с суживающимися книзу клинками и ребром посередине (рис. 10: 2, 3, 8); булава с плоско срезанным верхом (длина – 27,5 см, диаметр – 0,5 см), заостренная на конце (рис. 10: 7); пуговицы округлых очертаний с застежкой в виде перемычки; стрела с черешковым насадом, листовидной формы с нервюрой посередине (рис. 10: 14), шило четырехгранной формы (рис. 10: 15), обломки пластин-полуфабрикатов. Найдены литейные формы (рис. 10: 1, 9), изготовленные из местного песчаника и представляющие собой овальную в плане плоскую плитку. На одной из них вырезаны два углубления в виде кинжалчика и шила. Специального канала для вливания металла нет.

Спектральный и металлографический анализы позволяют сделать некоторые выводы о химическом

составе металла и технологии найденных металлических предметов²⁴ (табл. 1). Предметы изготовлены из сплава медь-олово, содержание олова в котором составляет 1–3% или 3–5%. Исключительно редко в качестве легирующей добавки использовался мышьяк (1,6%). Как правило, в небольшом количестве имеются добавки свинца (0,1–0,4%), висмута (0,01–0,04%), сурьмы (0,1–0,4%), мышьяка (0,1–0,7%), никеля (0,001–0,007%; 0,01–0,07%) и серебра (0,1–0,4%). Кобальт встречается в тысячных долях процента. Находки литейных форм, наличие изделий-полуфабрикатов позволяет говорить о существовании собственных металлообрабатывающих мастерских на поселении. Этот факт подтверждается единой схемой изготовления найденных на поселении орудий труда, оружия и украшений. Из раскопок на поселении происходят два предмета из метеоритного железа, использовавшихся как куранты. Особенностью данных образцов является полное отсутствие в них никеля, наиболее характерной примеси к железу в сидеритах (от греч. sideros – железо)²⁵.

Каменные орудия труда изготовлены из песчаных, известковых и сланцевых пород камня. Среди орудий представлены зернотерки и каменные ступы, куранты, песты, наковальни, ядра для пращи, гири (рис. 10: 21–26). Зернотерки – ладьевидной формы; песты – удлиненной и округлой формы; наковальня – подпрямоугольный предмет со скругленными углами. По определению Н. Н. Скакун, при изготовлении каменных орудий труда применялась техника оббивки, пикетажа и шлифовки. Кроме того, было выявлено и функциональное назначение этих предметов. Так, зернотерки, служившие для растирания зерна, иногда применялись для обработки более грубого материала, чем зерно. Некоторые сломанные зернотерки употреблялись для растирания краски – охры. На наковальне обрабатывались небольшие металлические предметы, о чем свидетельствуют следы точечных ударов на ее поверхности. Среди орудий труда отметим два крупных предмета с выделенной головкой (рис. 10: 23, 24) для привязывания веревки. Они могли использоваться как гири.

Мелкие находки, глиняные фигурки. На поселении в большом количестве найдены биконические прясла, веретено, прясла из стенок сосудов²⁶ и глиняные наворачия. Встречаются фрагменты обработанной кости со специально просверленными дырочками, биконической формы лазуритовые и пастовые бусы. Особый интерес представляют находки мелкой пластики из обожженной глины – схематическая женская фигурка, головки барана и лошади или собаки (рис. 10: 16, 19, 20). Также представляет интерес глиняная головка «птицы» – часть зооморфного сосуда (рис. 10: 18).

На основании палеоботанического исследования в кусках печины и обломках сырцовых кирпичей уда-

²⁴ Исследования проведены сотрудниками Центральной реставрационной лаборатории металла (г. Москва) – И. Г. Равич и А. Ф. Дубровиним.

²⁵ Эмиссионно-спектральный анализ проведен сотрудником ИИМК РАН А. Н. Егорьевым.

²⁶ Анализ отпечатков ткани на черепках позволяет сделать вывод, что для выделки тканей использовались как растительные волокна: хлопок, лен, пенька, так и животные: скоросе всего, шерсть пуховая и переходный волос (заключение Миколайчук Е. А. – сотрудника отдела научно-технической экспертизы, Санкт-Петербурга).

№№ п/п	Наименование изделия	Состав										
		Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Поселение Кангуртут												
1	Кинжал	основа	2,5	0,1	–	0,02	0,15	0,35	0,45	0,1	0,005	0,004
2	Нож	основа	2,0	0,1	–	0,025	0,05	0,7	0,6	0,03	0,03	0,003
3	Нож-серп	основа	5,0	0,04	–	0,004	0,05	0,3	0,1	–	0,01	0,003
4	Кинжал	основа	1,0	0,09	0,02	0,006	0,1	0,09	0,5	0,04	0,003	0,006
5	Серп	основа	0,8	0,05	–	0,01	0,02	0,2	0,1	0,008	0,01	0,002
6	Кинжал	основа	3,7	1,8	–	0,013	0,035	–	1,6	–	0,005	–
7	Наконечник стрелы	основа	5,5	0,04	–	0,02	0,2	–	0,09	0,02	0,003	0,005
8	Булавка	основа	4,0	1,0	0,4	0,02	0,06	0,2	0,07	0,06	0,003	0,003
9	Полуфабрикат- пластина	основа	6,0	8,5	0,1	0,04	0,2	0,9	0,2	0,1	0,1	0,006
10	Полуфабрикат- пластина	основа	0,4	0,3	0,3	0,04	15,0	0,02	0,1	0,07	0,08	0,003
Могильник Кангуртут												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
11	Чашечка	основа	2,0	0,15	–	0,05	0,035	0,2	0,8	0,035	0,08	–
12	Чашечка	основа	5,0	1,2	0,02	0,05	0,5	0,35	0,34	0,025	0,03	0,006
13	Пластина	основа	5,5	0,15	–	0,05	0,03	0,3	0,9	–	0,06	–
14	Пластина	основа	5,0	0,1	–	0,007	0,01	0,02	0,7	0,02	0,04	0,007
15	Шарик	основа	13,0	0,4	–	0,06	0,01	0,16	0,5	0,005	0,06	0,009
16	Пластина	основа	2,0	–	–	0,003	0,04	0,05	0,4	–	–	–
17	Пластина	основа	2,0	–	0,02	0,006	0,006	–	–	–	–	–
18	Пластина	основа	2,0	–	–	0,04	0,007	–	–	–	–	–
19	Чашечка	основа	2,0	0,1	–	0,008	0,001	–	–	–	0,006	–
20	Чашечка	основа	2,0	0,4	0,04	0,018	0,006	–	–	–	0,002	–

Таблица 1. Химический состав металлических изделий из поселения и могильника Кангуртут.

Table 1. Chemical composition of metals from the settlement and cemetery of Kangurtut.

ется обнаружить большое количество растительных примесей – соломы и других отходов обмолота хлебных злаков²⁷. По заключению Е. Ю. Лебедевой, среди них представлены практически все разновидности культурных ячменей – многорядный (пленчатый и голозерный), а также двурядный. Пшеница представлена двумя видами – мягкая и двузернянка. Встречены также отпечатки проса, сорных растений и льна.

На поселении собран богатый остеологический материал (табл. 2). Подсчеты костей домашних животных по некоторым раскопам дают следующую картину²⁸.

Кости диких животных не найдены. Данные таблицы указывают примерно на равное количество костей крупного и мелкого рогатого скота, за исключением раскопа IX (кости из погребений в печах). По заключению Е. Е. Антипиной, мясо крупного рогатого скота стоит на первом месте в мясном ра-

ционе жителей поселения, так как обычно при подсчете мясной продукции к одной особи крупного рогатого скота приравнивают 6–10 овец. Интересно, что в погребении (печь № 3) найдены в большом количестве кости мелкого рогатого скота, из них 1/3 составляют новорожденные или одно-трехмесячные животные.

В верхнем слое (раскоп IV) обнаружены два лепных сосуда с широкими носиками и большой котел с ручкой-уступом, расписная керамика (рис. 9: 35–38). Эта посуда характерна для памятников Яз I²⁹. Верхнюю границу (*terminus ante quem*) существования памятника можно приблизить к началу раннежелезного века, т.е. к самому концу II – нач. I тыс. до н. э.

Для слоя бронзового века поселения Кангуртут имеется несколько радиоуглеродных дат. Одна из них получена в лаборатории С. N. R. S. во Франции в 1990 г.: Gif-8414–3150 ± 60, калиброванные даты –

²⁷ Исследование проведено Лебедевой Е. Ю. в лаборатории ИА РАН (Москва).

²⁸ Данные по раскопам I, III – результат исследований В. П. Данильченко; остеологический материал раскопов IX, XII обработан сотрудником лаборатории ИА РАН Антипиной Е. Е. В таблицах приводится общее количество найденных костей, а не особей.

²⁹ Культурный слой этого времени не прослеживается, встречаются лишь отдельные находки.

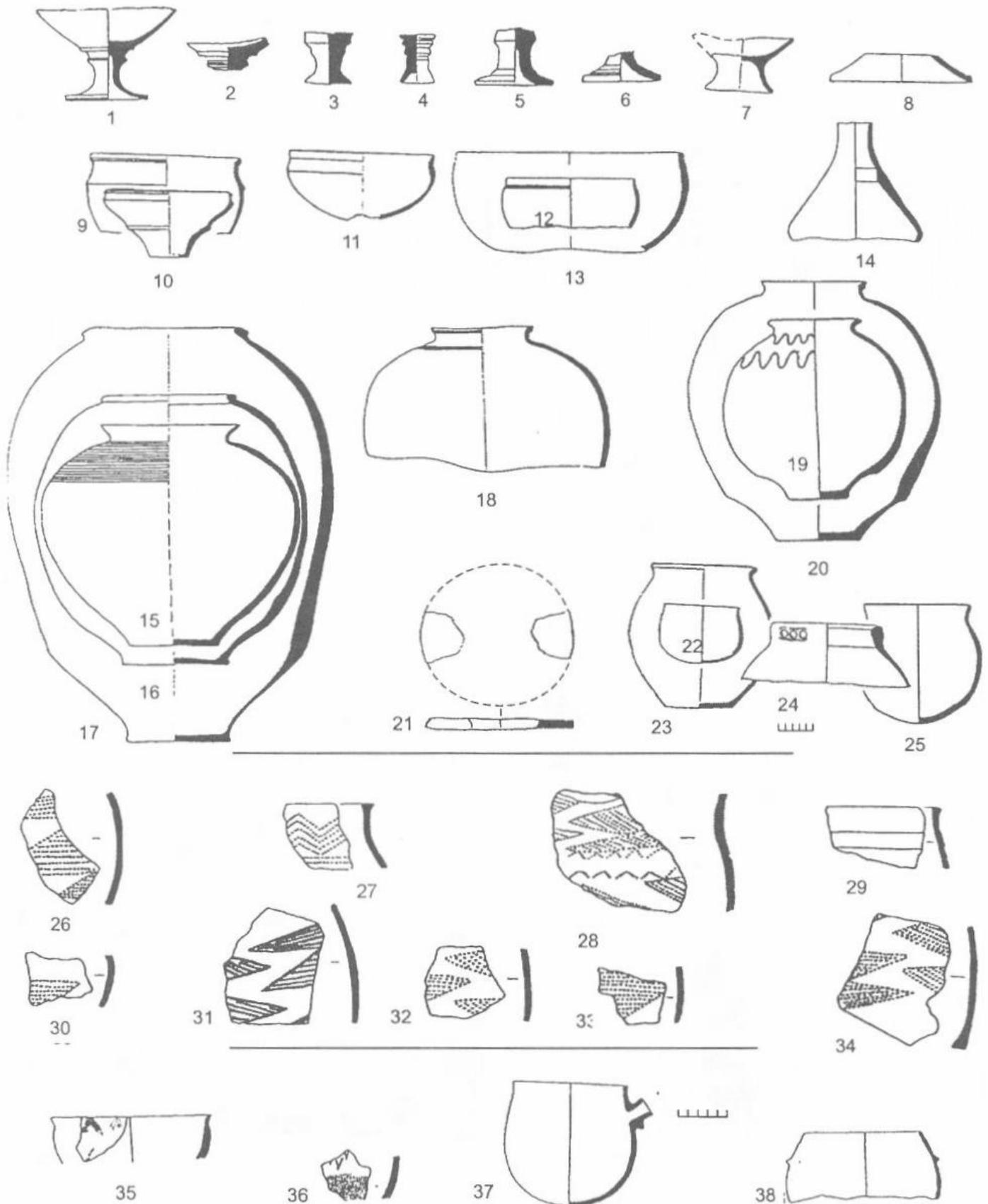

Рис. 9. Поселение Кангуртут: 1–25 – круговая и кухонная керамика; 26–38 – степная андроновская керамика; 35–38 – керамика Яз I (верхние слои).

Fig. 9. Settlement of Kangurtut: 1–25 – wheel-made pottery and kitchenware; 26–38 – steppe Andronovo pottery; 35–38 – pottery of the Yaz I type (upper layers).

1594 или 1291 гг. до н.э. Радиоуглеродный анализ по коллагену костей из погребений в горнах дал две калиброванные даты: горн № 3 – 1976 или 1756 гг. до н.э. (gin 9480) и горн № 4 – 1435 или 1320 гг. до н.э.

(gin 9479). Все даты находятся в хронологическом интервале между 1976/1756 и 1594/1291 гг. до н.э.

Могильник Кангуртут (рис. 5, 6) находится рядом с поселением на высоком склоне (раскоп VII).

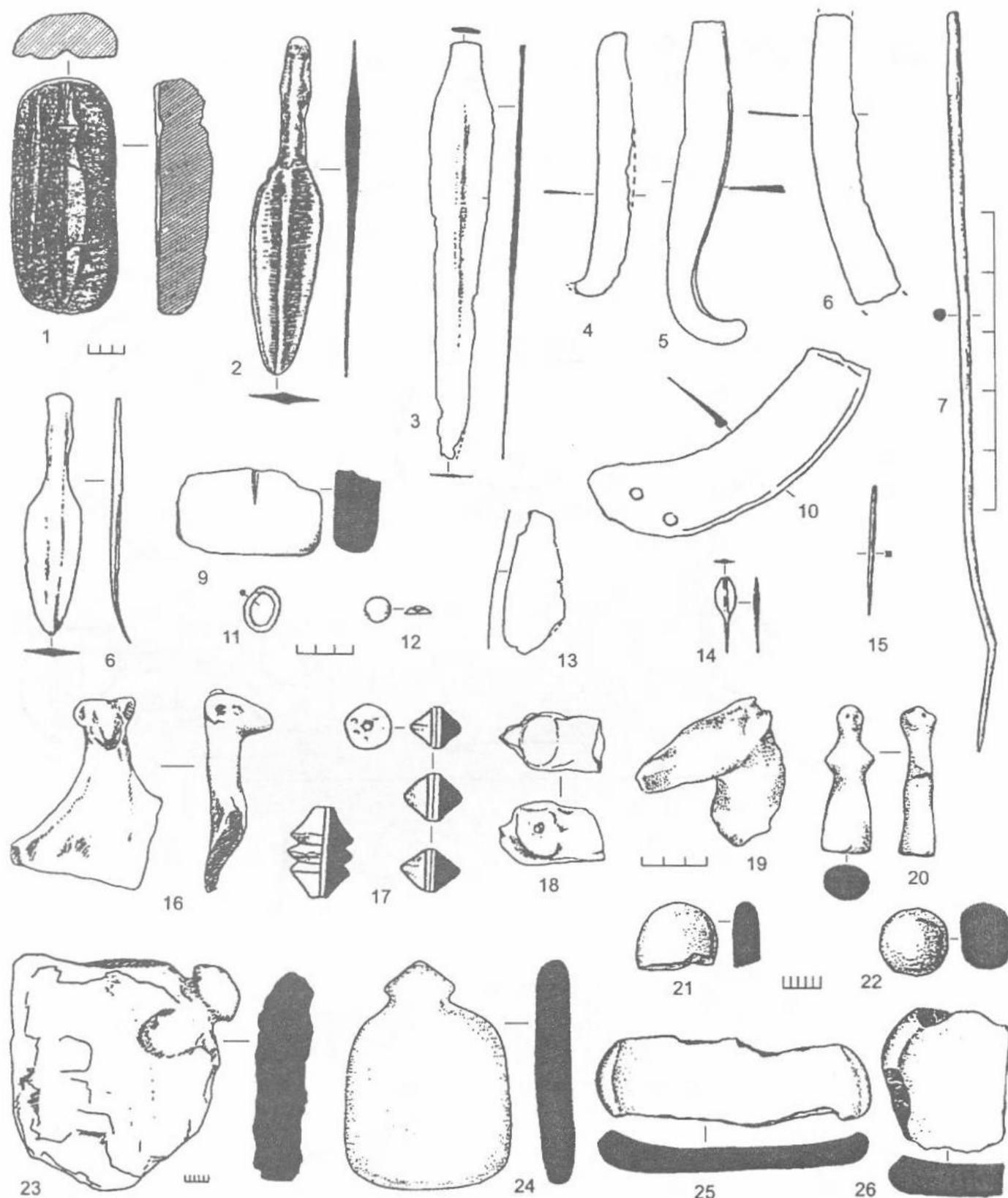

Рис. 10. Поселение Кангурттут. Металлические, глиняные и каменные предметы.

Fig. 10. Settlement of Kangurtut. Metal, clay and stone finds.

(Vinogradova 1996: 171). Перепад высот между поселением и могильником составляет 40 м. Всего вскрыто около 1300 м² и выявлено 91 погребение.

Древняя дневная поверхность, с которой совершались захоронения, находится на глубине 0,2–0,4 м. Несомненно, что в древности существовали надмогильные «памятники». Следы последних

открыты на древней поверхности. Это – один или два камня (погребения №№ 30, 63, 71, 72, 73, 91) или большие куски глины (погребения №№ 50, 53). В некоторых случаях глина слабо обожжена, имеются следы угольников (погребение № 51). В погребении № 33, рядом с могильным камнем расчищено два сосуда.

Домашние млекопитающие	Раскоп I	Раскоп II	Раскоп IX		Раскоп XII (слой эпохи бронзы)
			Верхний стр. гориз.	Из погребений в печах	
Крупный рогатый скот (Bos taurus)	75 (5 особей)	59	49	26	28
Мелкий рогатый скот (овца, коза) (Ovis s. Capra)	54 (10 особей)	42	87	181	25
Осел (Equus asinus)	2 особи	4	4	—	—
Лошадь (Equus caballus)	45 (4 особи; 1 молодая)	11	20	3	1
Собака (Canis familiaris)	3 (1 особь)	—	—	1	—

Таблица 2. Распределение остеологического материала поселения Кангуртут.

Table 2. Distribution of osteological finds from the settlement of Kangurtut.

Конструкция погребальных сооружений и обряд захоронения. Все захоронения – подбойно-катакомбного типа (рис. 11: 1–3), за исключением детских, совершавшихся в неглубоких ямах, практически на древней поверхности. С древнего горизонта холма вертикально или под углом прокапывалась входная яма-дромос, в которой в сторону повышения склона делалась подбой-катакомба, оказывавшаяся на довольно большой глубине. Входная яма – округлых очертаний (0,9 x 0,9; 0,9 x 0,6; 1,1 x 1 м), глубиной от 0,5 до 1 м, иногда со ступенькой. Подбой-катакомба вырыта в юго-западной части входной ямы. Погребальная камера со сводом – овально-вытянутой формы (1,3 x 1,8; 1,5 x 1,8; 1,2 x 1,5; 1,3 x 1,9 м), высотой от 0,4 до 0,8 м. В заполнении входной ямы и в погребальной камере находятся большие куски глины, редко камни, иногда фрагменты керамики, угольки и мелкие камушки. В некоторых случаях на стенках и на полу подбоя-катакомбы имеются горизонтальные натеки (погребения №№ 24, 53, 26). Камера могла оставаться какое-то время открытой и, таким образом, незащищенной от атмосферных осадков, или же наличие воды связано с каким-то определенным погребальным ритуалом.

За исключением нескольких, все погребения без костяков – кенотафы. В двух случаях встречены кости животных (погребения №№ 23, 53). Следы кремации не обнаружены.

Погребения с ингумацией. В одной из могил (погребение № 53) расчищено захоронение взрослого мужчины в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу (рис. 11: 1), головой на юго-восток. Рядом с черепом найдена челюсть барана. Погребальный инвентарь состоял из 7 изготовленных на кругу сосудов (5 – у головы и рук; 2 – около ног) и нескольких миниатюрных ножевидных пластин. По определению антрополога Т. П. Кияткиной, погребенный относится к европеоидному восточномедиземноморскому типу. Расчищены также захоронения с расчлененными скелетами, когда в могилу клались череп, длинные кости рук и ног. Так, в погребении № 74, в центре камеры открыты кости женского скелета³⁰,

сохранились отдельные кости ног, рук и зубы. Сопровождавшие покойную сосуды стояли двумя группами: в западной части 5 сосудов, а в восточной – 3. На дне камеры найдена миниатюрная ножевидная пластина.

Погребения-кенотафы. Абсолютное большинство захоронений на могильнике Кангуртут – кенотафы с погребальным инвентарем, при этом в могиле всегда оставлялось место для «покойного» или помещались глиняные фигурки (погребения №№ 26, 73), иногда просто большие бесформенные куски необожженной глины. Погребальный инвентарь ничем не отличается от захоронений с ингумацией: в могилу ставилась посуда (от 1 до 12 сосудов), клались миниатюрные бронзовые предметы (ножички, пластины, вилы, зеркальце, чашечки и т. д.).

Погребальный инвентарь. Керамика в погребениях располагается группами или в ряд, обычно по 2–3 сосуда. Часто в могилы ставилась бракованная посуда, плохо обожженная или вышедшая из употребления (вазы без ножки). Обычный набор – горшковидные сосуды больших и небольших размеров, стаканчики, «кубки», миски или чаши, реже вазы и кувшины. Из 419 сосудов только 7 – лепные, остальные – круговые. Одно погребение (№ 69) – с керамикой, характерной для бешкентско-вахшской культуры. Представляют интерес два погребения (№ 88, 91), где на одной стороне могилы находилась группа круговых сосудов, а на противоположной – лепной сосуд. В центре оставалось место для предполагаемого костяка.

Круговая посуда сделана из теста хорошего качества. Беловатый и красный ангоб покрывает верхнюю часть сосуда, иногда целиком. Красный ангоб на керамике зафиксирован только в 3-х погребениях (№№ 11, 22, 36). В верхней половине сосудов сохраняется горизонтальное и вертикальное лощение. Для круговой керамики различаются следующие формы: большие горшковидные сосуды (134 шт.), кубки и «стаканчики» (138 шт.), миски и глубокие чаши – 104; вазы – 25 (из них 10 шт. – с обломанной ножкой); кувшины – 10 шт., поильник – 1. Встречаются миниатюрные формы.

³⁰ Антропологическое определение Л. Т. Яблонского.

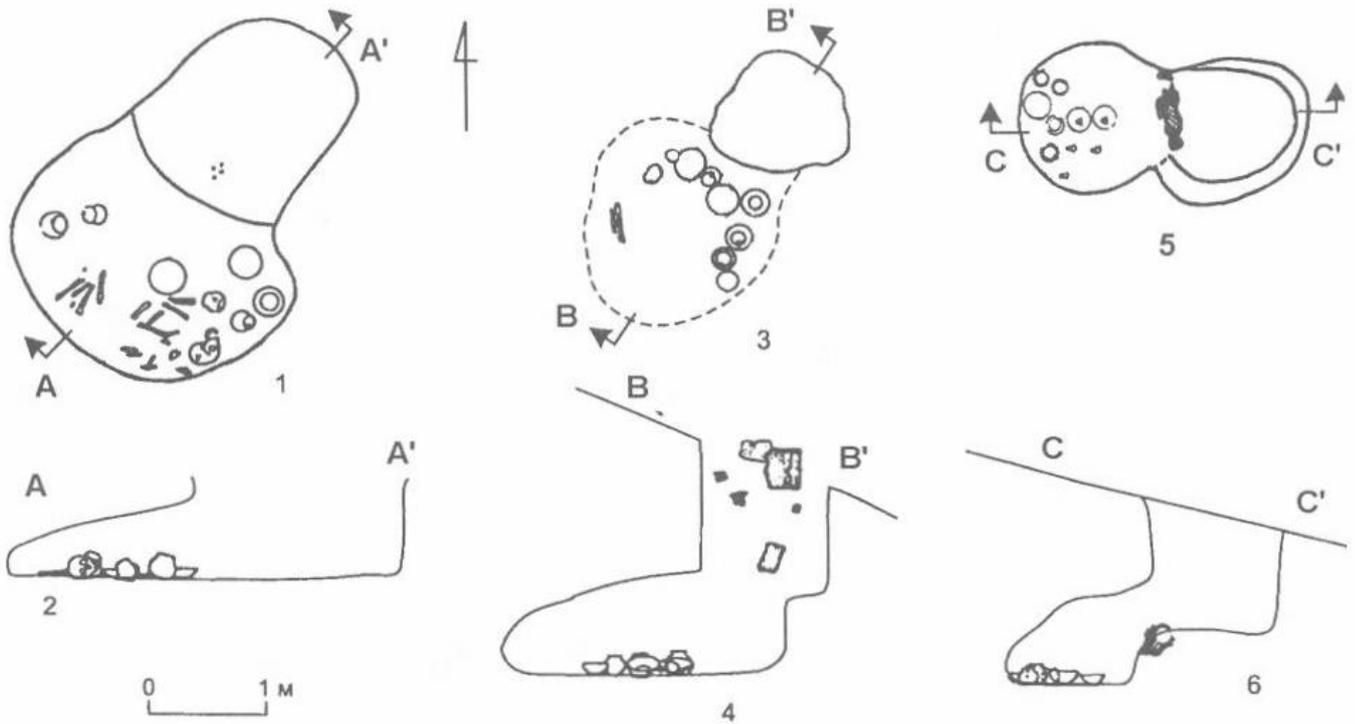

Рис. 11. Могильник Кангурттут. Планы погребений.

Fig. 11. Cemetery of Kangurttut. Plans of burials.

1. Чаши на ножке (вазы):

а) чаши на высокой полой ножке с дисковидным основанием, при этом ножка примерно в 2 раза превышает высоту чаши. Резервуар чаши – конический, с загнутым внутрь венчиком. Переход от резервуара к ножке обозначен уступом (рис. 12: 1, 4);

б) отличается от предыдущего варианта (1а) отогнутым наружу венчиком и ребром в верхней части тулова чаши (рис. 12: 2, 3, 6);

в) отличается от варианта 1б прямым венчиком и ребром в средней части чаши (рис. 12: 7);

г) кубок биконической формы, на высокой ножке (последняя не сохранилась), с рифленным верхним краем венчика и красным ангобом (рис. 12: 5);

д) миниатюрные вазы на полой (рис. 12: 8) или сплошной ножке (рис. 12: 9, 10), с отогнутым или загибающимся внутрь венчиком.

2. Кувшины:

а) сосуды с высоким узким выделенным горлом, отогнутым наружу венчиком и шаровидным туловом (рис. 12: 11, 12, 15);

б) отличается от предыдущего варианта биконическим туловом (рис. 12: 16);

в) отличается от варианта 2б усеченно-конической придонной частью.

Горло и частично тулово кувшинов орнаментируется горизонтальными углубленными линиями (рис. 12: 11, 12).

3. «Кубки»:

а) с биконическим туловом и отогнутым наружу венчиком (рис. 12: 17–20);

б) плечики тулова располагаются в нижней части сосуда. Иногда орнаментируются горизонтальными углубленными линиями (рис. 12: 21).

4. Чаши и миски:

а) глубокие чаши с широким устьем, отогнутым наружу венчиком и конической нижней частью (рис. 12: 23, 25, 26);

б) глубокие чаши отличаются от варианта 4а выделенными плечиками (рис. 12: 24);

в) глубокие чаши отличаются от варианта 4а загнутым внутрь венчиком (рис. 12: 28, 29, 31);

г) глубокие чаши с шаровидным туловом и отогнутым или прямым венчиком (рис. 12: 27, 30);

д) мелкие чаши со слегка отогнутым наружу венчиком;

е) чаши с конусовидным туловом на поддоне с дисковидным основанием (рис. 12: 32).

5. Стаканчики, банки:

а) с вытянутым туловом и выделенными в нижней части плечиками (рис. 12: 34, 35, 37, 38);

б) стаканчики баночной формы (рис. 12: 36).

6. Горшковидные сосуды:

а) сосуды с отогнутым наружу венчиком и биконическим туловом (рис. 12: 45–47);

б) отличается от варианта 6а шаровидным туловом (рис. 12: 43, 44, 51, 52). В некоторых случаях имеют выделенное горло (рис. 12: 50);

в) сосуды с шаровидным туловом, скошенной нижней частью и отогнутым наружу венчиком (рис. 12: 48, 49). Встречается клювовидный венчик (рис. 12: 48).

7. Поильник, или чайник с носиком представлен единственным экземпляром.

Лепная керамика:

1) т. н. кухонная сероглиняная посуда из грубого теста, с примесью песка и известняковой крошки. Встречаются формы небольших горшков, иногда круглодонных.

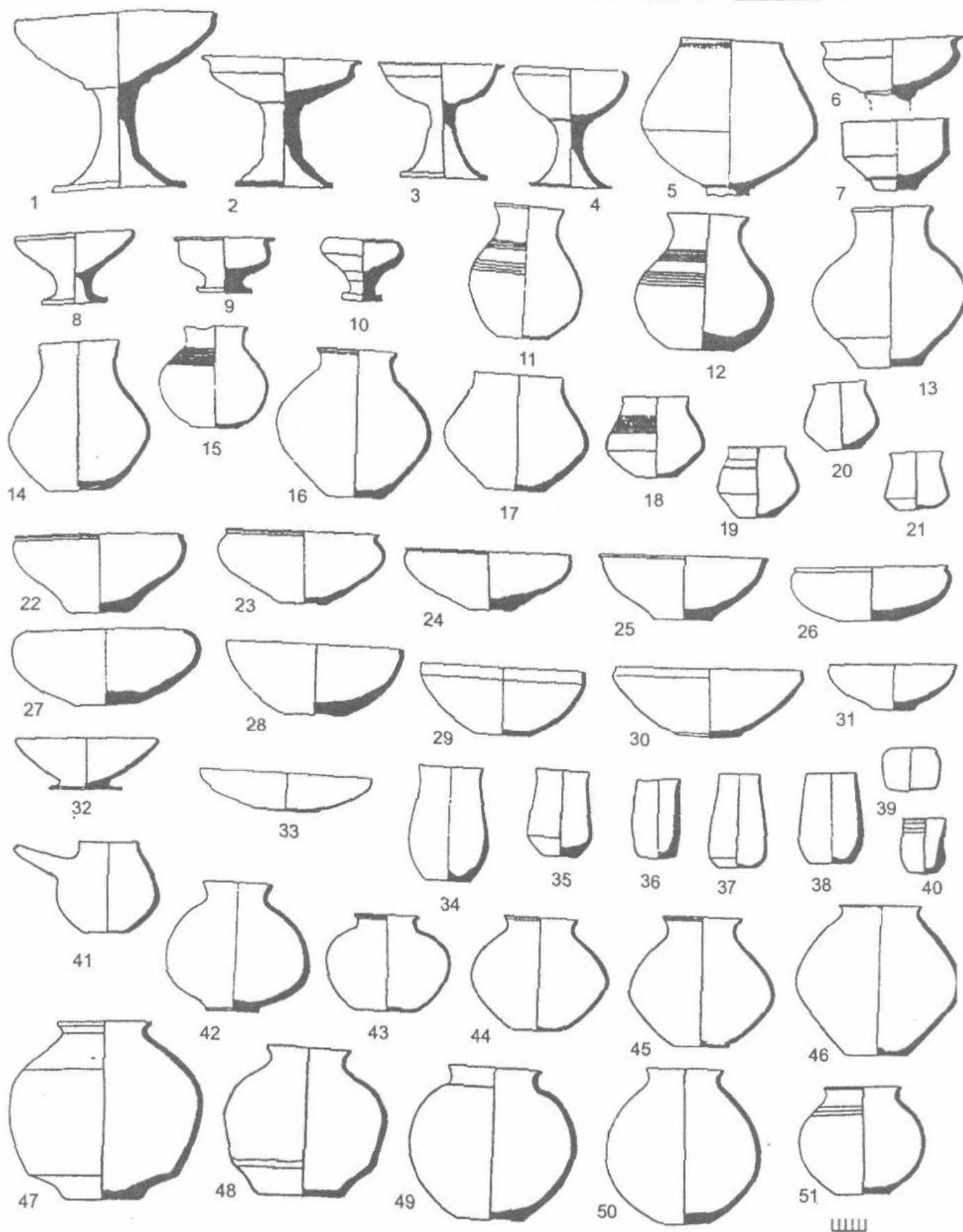

Рис. 12. Могильник Кангурттут. Керамика.

Fig. 12. Cemetery of Kangurtut. Pottery.

2) миниатюрные формы баночного сосуда и коробочки (рис. 12: 40, 41).

В 13 погребениях встречены *предметы из бронзы*: на дне входной ямы, в камере или в сосудах, главным образом в чашах (рис. 14). Количество металли-

ческих миниатюрных изделий колеблется от одного до 26 предметов, часто имитирующих настоящие, употреблявшиеся в быту вещи. В трех погребениях (№№ 37, 60, 74) они находились в небольшой металлической чашечке, при этом набор предме-

тов иногда повторяется: ножевидные пластины, бритвы, вилы, серьги или височные подвески, наконечники, «змейки», лопатки, наконечники долот, бусы, тесло и т. д.

Согласно выводам И. Р. Равич, металлические изделия из поселения и могильника совпадают по набору примесей. Последние изготовлены из бронзы, основным легирующим элементом которой является олово, в пределах от 1 до 5%, то есть преобладают низкооловянные и среднеоловянные сплавы. Содержание других элементов следующее: висмут – 0,01–0,04%, сурьма – 0,1–0,4%, мышьяк – 0,1–0,7%, никель – 0,001–0,007%, серебро – 0,01–0,07%. Кобальт и цинк практически отсутствуют (табл. 1).

Особую категорию погребального инвентаря составляет скульптура из необожженной глины. Одна из женских фигурок происходит из погребения № 26 (рис. 13: 1). Фигура – объемная, высотой 27,5 см, глаза щелевидные, нос передан защипом, рот прорезан. Сильно выделены плечи и бедра, руки изображены схематично – вытянуты вдоль торса. Обозначены пупок и грудь. Ноги – кривые, левая длиннее правой; стопа левой ноги повернута назад. Другие три фигурки, найденные в погребении № 74, слеплены также схематично, но хорошо различается пол – мужская, женская и между ними непонятный предмет, скорее всего, детская фигурка (рис. 13: 2). Мужская фигура длиной 33 см лежала на спине, голова повернута в бок и наклонена к голове второй фигурки. Руки не сохранились, ноги подогнуты в коленях. На плечах, груди и животе подчеркнуты мышцы. Голова – со скошенным черепом и выступающей нижней челюстью, хорошо моделированы уши. Глаза и рот обозначены схематично. Другая, женская, фигурка длиной 27 см также лежала на спине с подогнутыми в коленях ногами, руки прижаты к груди, голова – со скошенным черепом, выступающей челюстью, выделенными надбровными дугами и носом.

Керамический материал свидетельствует о синхронности могильника и поселения, существовавшего, исходя из темпов накопления культурного слоя, около 200 лет. Круговая керамика, найденная в погребениях, может быть временным индикатором изменений, происходивших в изготовлении посуды на поселении. Выделяется группа более ранних сосудов из погребений №№ 11, 22, 36 с красным ангобом и несколько архаичными формами. Это – кубок (рис. 12: 5) на высокой ножке, кубки грушевидной формы, горшковидные сосуды округлых очертаний (плечики мягко переходят в тулово), без подкоса в нижней части. Уникальной форме кубка на ножке в Кангуртуте имеются параллели в керамике могильника Дашлы 3 (Сарианиди 1976: 34, рис. 23) и в сапаллинской культуре джаркутанского этапа (Аскарлов 1977: 65, рис. 32). На молалинском и бустанском этапах эта форма уже не встречается.

Из других земледельческих памятников выделяемого нами оазиса следует сказать еще о двух

поселениях – Дахана, Тегузак и могильниках, расположенных на месте затопления Нурекской ГЭС.

Поселение Дахана (Пьянкова 1994: 151) расположено на территории г. Нулека. Культурный слой эпохи бронзы составляет от 0,5 до 1 м. Строительные остатки представлены каменными основаниями стен в 2–3 ряда камней. Пол иногда выстилался галькой. Открыто 5 жилых помещений, вне домов расположена топочная камера гончарной печи. Выделяется два строительных периода. Круговая керамика составляет 86% с белым ангобом, лентная – 14%. Формы – хумы, хумча, тагора, кувшины, горшковидные сосуды, вазы, миски, цедилки, подставки. Лентные сосуды – котлы. Среди других находок – бронзовый нож степного типа, прясла. По керамическому материалу и датировкам это поселение соотносится с поселением Кангуртут.

Поселение Тегузак (Пьянкова 1987: 117, 297) находится в нескольких километрах от поселка Себистон Дангаринского района, на второй нижней террасе р. Вахш. Слой эпохи бронзы (около 2,5 м) подстилается культурными слоями гиссарской культуры. Границы поселения не установлены. Общая вскрытая площадь 400 кв. м. Архитектурные остатки представлены каменными основаниями стен, сложенными в ширину двух-трех рядов камней. Полностью вскрыт один жилой комплекс из двух помещений. Дом ориентирован углами по странам света. Преобладает земледельческая керамика молалинско-бустанского типа. Один из шурфов дал очень высокий процент керамики (43%) «степного типа» андроновской культуры³¹. Найденны каменные орудия труда, бронзовые предметы и литейные формы из местной породы камня.

Нурекские могильники (Пьянкова 1979: 78) открыты в зоне затопления Нурекской ГЭС, в районе комплекса Туткаул на аллювиальных террасах левобережья р. Вахш. Конструкцию погребальных сооружений из-за плохой сохранности проследить не удалось, за исключением одного случая. Зафиксирована погребальная камера с костными останками (череп и длинные кости рук), она перекрыта каменной плитой. Раскопано всего несколько захоронений со скелетами в скорченном положении (одно – парное), другие погребения относятся к кенотафам, напоминая ситуацию могильника Кангуртут. Сопровождающий инвентарь представлен сосудами (от 1 до 5), характерными для земледельческой керамики Южного Таджикистана (вазы, миски, горшковые сосуды и т. п.), бусинами (одна из них топоровидная подвеска как в Тандырыуле), золотым височным кольцом и бронзовым ножом, относящимся к так называемым «хвостатым» ножам степного типа.

3. Оазис р. Кызылсу (Сурхоб) и ее притоков

Основными притоками р. Кызылсу являются реки Яхсу и Таирсу. Долины этих рек в нижней части расширяются, образуя холмисто-рядовую Пархаро-Кулябскую равнину. Благодаря работам Кызылсу-

³¹ На наш взгляд, при подсчете керамики могла произойти ошибка. Могли быть учтены также фрагменты кухонной керамики, которая по тесту не отличается от андроновской.

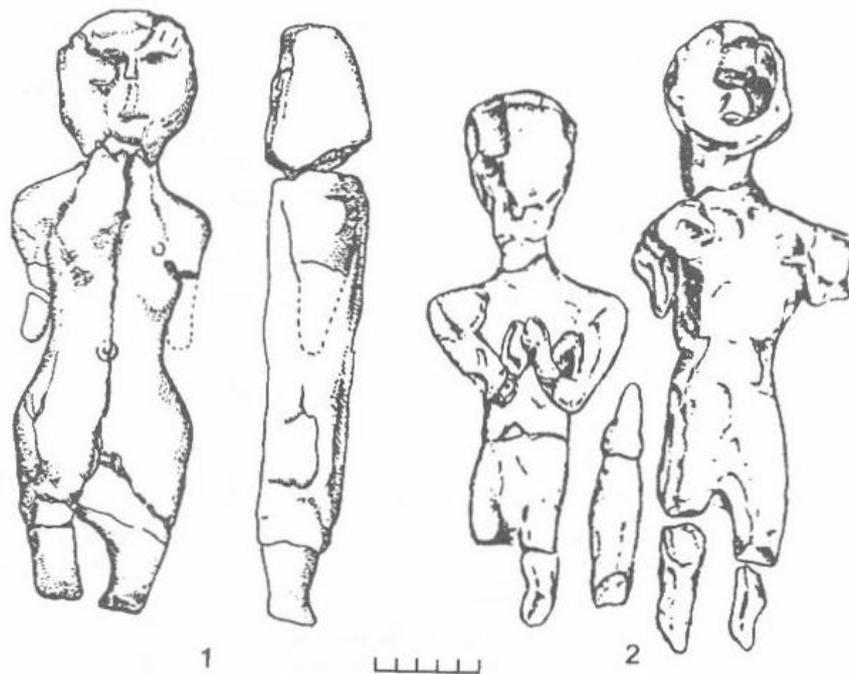

Рис. 13. Могильник Кангурттут. Глиняная скульптура.

Fig. 13. Cemetery of Kangurttut. Clay sculpture.

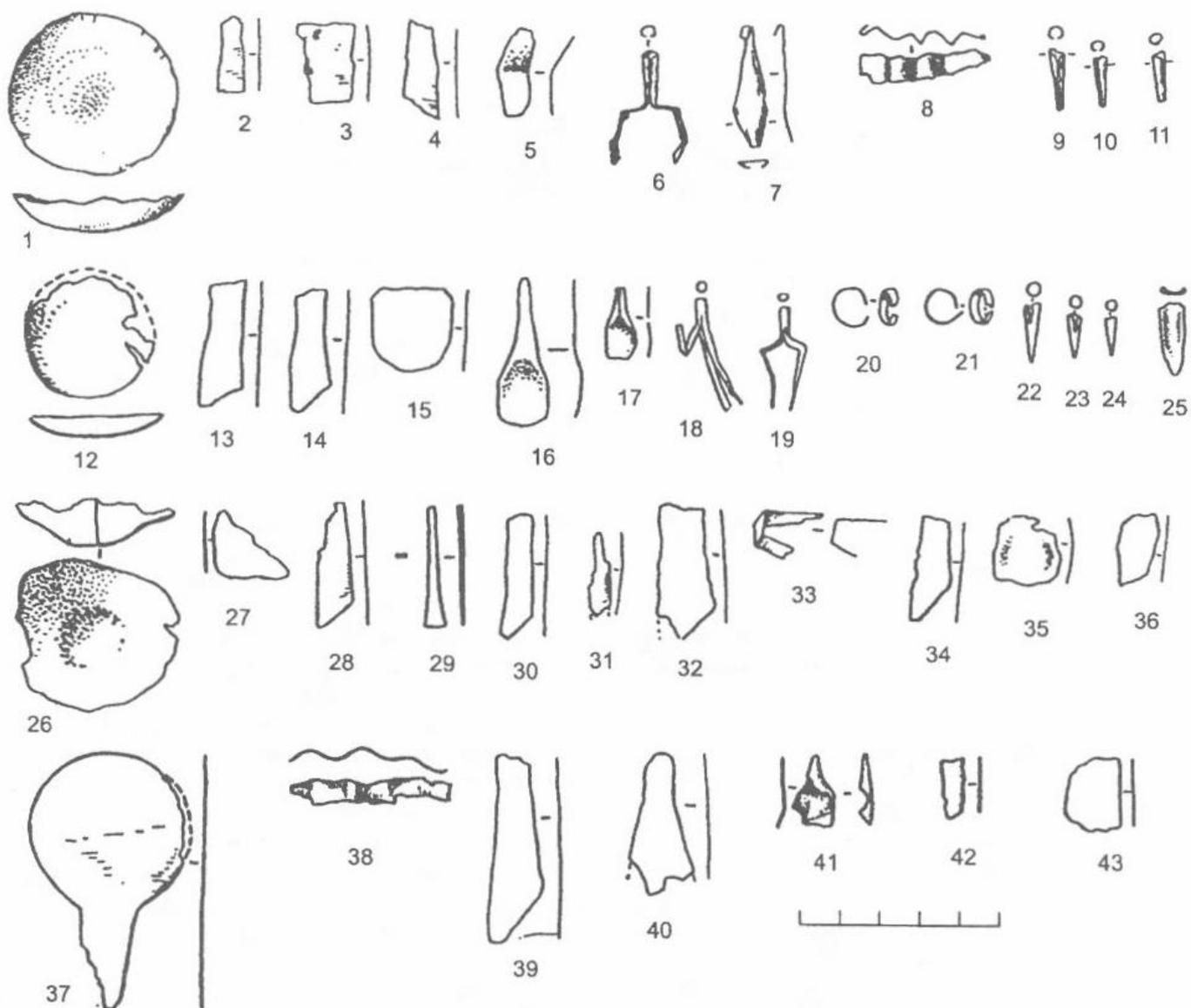

Рис. 14. Могильник Кангурттут. Металлические изделия.

Fig. 14. Cemetery of Kangurttut. Metal objects.

ского археологического отряда (Gotzelt, P'jankova, Vinogradova 1998: 117), удалось собрать материалы из земледельческих памятников данного региона. Были открыты два древнеземледельческих могильника, к сожалению, на территории современных мусульманских кладбищ. Один из них – могильник Ходжа Гониб в Кулябе, откуда происходят два сосуда. Сосуд-чайник имеет широкий круг аналогий в поздних земледельческих комплексах Маргианы и Бактрии. Другой земледельческий некрополь располагается на возвышенности Урта-Боз около г. Пархара (рис. 1). Древние погребения были разрушены более поздними мусульманскими могилами. В одном из них найдена керамика молалинского (?) типа и два детских серебряных браслетика (рис. 15: 8). Они круглой формы (43 x 43 мм) и, очевидно, происходят из детского захоронения³². Застежки на концах браслетов имеют форму нескольких спиралевидных витков, входящих друг в друга. Орнамент на обоих браслетах абсолютно идентичен и выполнен гравировкой – тонкими линиями или точками. Композиция состоит из трех симметрично расположенных четырехлепестковых розеток, центральная из которых с прожилкой по длине каждого лепестка – более крупная, а две другие, расположенные ближе к краям браслета, имеют меньшие размеры. Розетки обрамлены орнаментом из угловидных и дугообразных линий и точек. Серебряный сплав браслетов очень высокой пробы, медь составляет всего 3–5%. Подобные сплавы характерны для серебряных изделий времени поздней культуры Намазга VI (Хлопин 1983: 227, табл. 3).

Из случайных предметов, находящихся в экспозиции музеев Куляба, Московского района и Пархара, следует отметить находки каменных гирь в могильнике Саяд Московского района, Алимтай Дангаринского района, каменной колонки (из нефрита?) в кишлаке Арча Пархарского района. В Кулябском музее представлены находки двух жезлов из сланца и двух каменных гирь. Происхождение предметов неизвестно (рис. 15: 9).

Заключив наш обзор земледельческих памятников, следует сказать о двух погребениях (рис. 15: 10–14) около г. Кызлар-Кала Шаартузского района в оазисе Шах (Литвинский, Седов 1983: 80). Первое захоронение было очень богатым, конструкция погребения – катакомба, на дне камеры расчищены два костяка в скорченной позиции, «лицом к лицу». Найдено два сосуда (рис. 15: 13–14), большое количество бронзовых, серебряных, пастовых, сердоликовых бус (всего свыше 800 шт.) и 4 бронзо-золотые бляхи. Во втором погребении найдены два сосуда (рис. 15: 11, 12) и бронзовый нож. Керамика характерна для молалинских памятников. Дальнейшие исследования в оазисе Шах позволят говорить о случайности данных захоронений или о существовании здесь земледельческих памятников уже с эпохи бронзы.

Подводя итоги исследованиям на земледельческих памятниках Южного Таджикистана, можно

провести аналогии и сделать некоторые выводы. Земледельческая традиция населения Южного Таджикистана в эпоху поздней бронзы несколько отличается от классических западных памятников Северной Бактрии, что связано, прежде всего, с условиями жизни в горной местности. Это проявляется в строительстве террасных домов на каменном фундаменте с паховыми стенами, в определенной ориентации жилищ углами по странам света и в устройстве погребальных сооружений с использованием рельефа местности для подбоя катакомбы и закладкой входной ямы не сырцовым кирпичом, а камнем или кусками глины.

Сравнительный анализ археологического материала поселений и могильников Южного Таджикистана позволяет установить хронологическое различие внутри этих памятников. К первой более ранней хронологической группе может быть отнесен могильник Тандырыул и случайные находки из могильников Кызлар-Кала, Пархар, Карапичок, медные топоры из Аракчина, Шаршара и бронзовый меч из Рамита. Во вторую более позднюю группу входят поселение и могильник Кангуртут, поселения Дахана, Тегузак. Нурекские могильники занимают промежуточную позицию между этими двумя группами памятников.

Для керамики могильников Тандырыул, Кызлар-Кала наиболее близкие аналогии прослеживаются на следующих памятниках молалинского этапа (Джаркутан IIIa) сапаллинской культуры: могильник и поселение Муллали (Сагдуллаев, 1989: 12; Пугаченкова 1972: 88, рис. 23), погребения периода Джаркутан IIIa на могильнике Джаркутан 4c (Sirinov, Baratov 1997: 89), молалинские погребения на могильниках Джаркутан 4a, Джаркутан 4b (Аскарлов, Абдуллаев, 1983: 25), Бустан 6 (Avanesova, 1997: 163, Abb. 9).

Вторую группу памятников, прежде всего, по керамике можно сопоставить с бустанской фазой (Джаркутан IIIb) сапаллинской культуры – погребения периода Джаркутан IIIb на могильниках Джаркутан 4c, Джаркутан 4a (Sirinov, Baratov 1997: 105, 117), бустанские погребения на могильнике Бустан 6. (Avanesova, 1997: 164, Abb. 10; 171, Abb. 14).

По сравнению с керамикой первой группы происходят изменения в ведущих типах сосудов: «кубки», горшковидные сосуды, миски составляют значительный процент. Керамика становится более грубой, ангоб покрывает только верхнюю часть сосуда. Несколько видоизменяются формы сосудов: у ваз уменьшаются размеры резервуара, высота ножки превышает высоту чаши (тип 1a); у кувшинов горло менее выделено, исчезают формы с приподнятыми плечиками; у «кубков» максимальный диаметр смещается в нижнюю часть сосуда (тип 3b); кратеровидные сосуды встречаются редко; на смену им приходят глубокие чаши (тип 4a); появляются формы стаканов и банок (тип 5).

Некоторые хронологические различия прослеживаются в металлических изделиях. Медные топоры из Аракчина и Шаршара – самые ранние в первой

³² Браслеты были найдены с описанным выше сосудом.

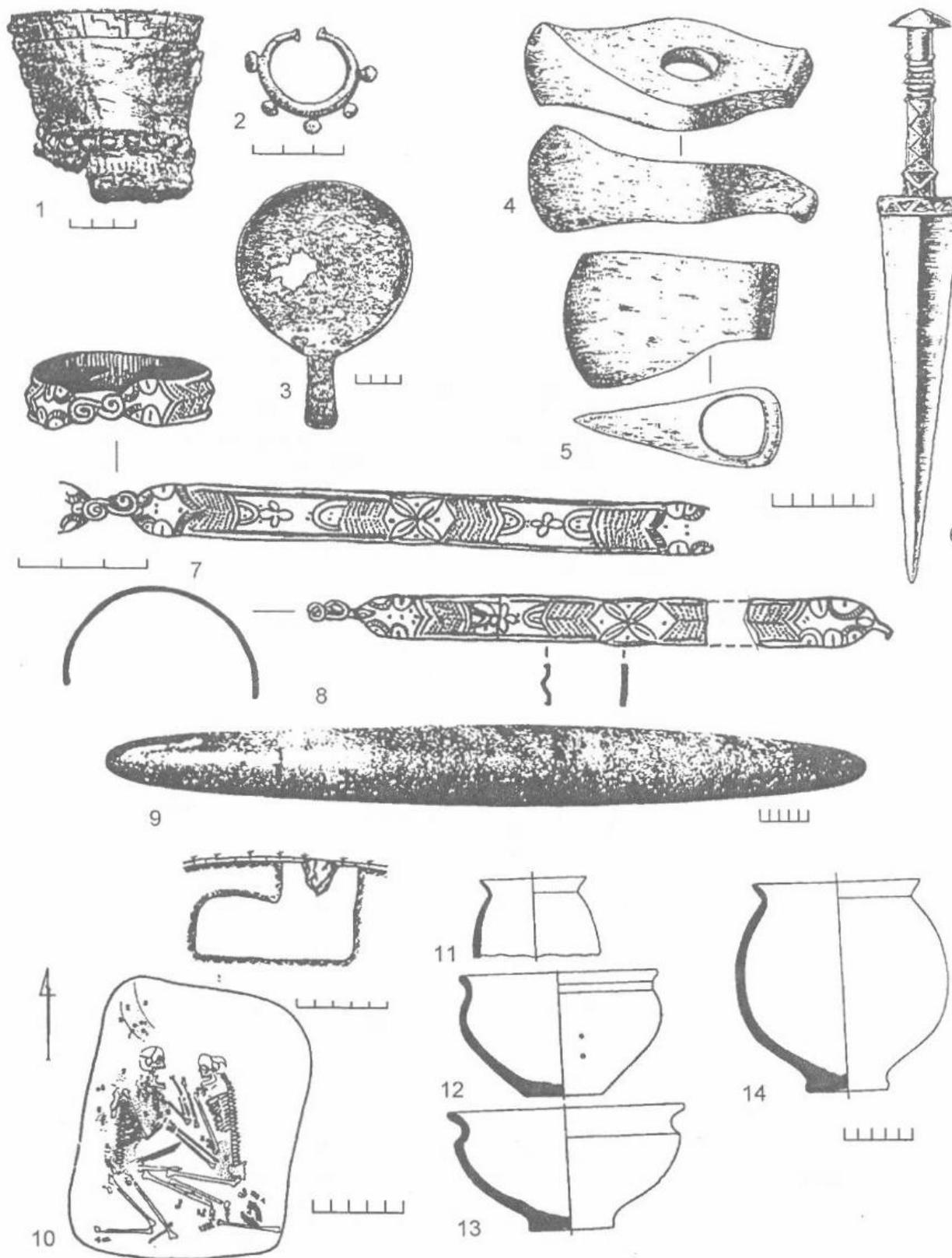

Рис. 15. Случайные находки: 1, 2 – Нурек; 3 – Карапичок; 4 – Шаршар; 5 – Аракчин; 6 – Рамит; 7–8 – могильник Пархар; 9 – каменный жезл из долины р. Кызылсу; 10–14 – могильник Кызлар-Кала.

Fig. 15. Chance finds: 1, 2 – Nurek; 3 – Karapichok; 4 – Sharshar; 5 – Arakchin; 6 – Ramit; 7–8 – cemetery of Parkhar; 9 – stone staff from the valley of the Kyzylsu River; 10–14 – cemetery of Kyzlar-Kala.

хронологической группе. Орудия, близкие типу шаршарского топора, найдены в Саразме (Исаков 1991: рис. 78, 2), в Дашлы 3 (Сарианиди 1977: 71, рис. 32 – литейная форма), в Сапалли-тепа (Аскарлов 1977: 196, табл. XXXII, 2). Одними из ранних металлических изделий рассматриваемой группы памятников могут быть

серебряные браслеты из могильника Пархар. Аналогии для четырехлепестковых розеток, изображенных на пархарских браслетах, ведут к южным оседло-земледельческим комплексам. Орнамент четырехлепестника довольно часто встречается на печатях и амулетах Бактрии и Маргианы эпохи поздней бронзы

(Аскарлов, Ширинов 1993: рис. 24, 12; Sarianidi 1986: 222; Сарияниди 1990: 91; Масимов 1981: рис. 4, 3), а также на некоторых хлоритовых флаконах из разграбленных могильников Бактрии (Amiet 1986: рис. 159).

Среди бронзовых вещей первой и второй групп хронологических различий не наблюдается. Для них характерны оловянистые сплавы с высоким содержанием олова. В. Д. Рузанов сравнивает металлы памятников Тандырыул и Кангурттут по химическому составу и микропримесям с бронзой андроновских памятников (могильники Чака, Искандер) и чувствской культуры Ферганы. Рудная база, по его мнению, находилась в Чаткало-Кураминских горах на северо-востоке Узбекистана. Оловянистые сплавы характерны также для металла молалинско-бустанских памятников сапаллинской культуры (Аскарлов, Рузанов 1990: 6). На предшествующем этапе этой культуры, а также в Мургабе, Северном Афганистане основной процент составляют мышьяковистые бронзы (Терехова 1990: 201; Сарияниди 1976: 82). В эпоху поздней бронзы основными источниками металла для Северной Бактрии становятся северо-восточные области степных культур. Формы металлических изделий, найденных на могильниках и поселениях Южного Таджикистана, имеют широкий круг аналогий как на земледельческих, так и на степных памятниках (Виноградова 1991: 77; Vinogradova 1994: 40; Vinogradova 1996: 183).

На поздних этапах сапаллинской культуры бросается в глаза «бедность» археологических находок. Так в погребениях используются, главным образом, вотивные бронзовые изделия, отсутствуют печати и произведения искусства, за исключением пархарских браслетов. В погребальной практике появляется огромное количество кенотафов — на могильниках

Южного Узбекистана около 40% (Ионесов 1990: 227, рис. 22); на могильнике Кангурттут более 90%. Иногда в могиле-кенотафе вместе с погребальным инвентарем находят антропоморфные (Sirinov, Baratov 1997: 85, 113) или зооморфные фигурки (Тандырыул) из необожженной глины. В конце эпохи бронзы в Северной Бактрии происходят изменения в религиозно-ритуальной концепции погребения умерших.

На протяжении всего периода поздней бронзы прослеживаются тесные контакты земледельческого населения с носителями бешкентско-вахшской культуры и андроновскими племенами (Виноградова 2000: 89; Vinogradova 2001: 199–219). Андроновцы играют роль посредников в распространении древневосточной земледельческой культуры на север (южные импорты). С другой стороны, фиксируется наличие андроновской керамики и металла на земледельческих памятниках. В отдельных контактных зонах могло происходить оседание степняков в земледельческих оазисах и восприятие ими некоторых обрядовых и культурных традиций земледельцев.

Что касается хронологии памятников поздней Намазга VI, то здесь нет единства мнений. Ученые республик бывшего СССР относят их к середине — концу II тыс. до н.э., что согласуется с традиционной хронологией евразийских степных культур. Западноевропейские и американские исследователи на основе калиброванных дат по ¹⁴C датируют эти памятники 1-й половиной — серединой II тыс. до н.э. Эти датировки соотносятся с калиброванными датами для степных культур (Görsdorf J. und andere 1998: 73). По мнению Е. Е. Кузьминой, в наше время корректно использовать или традиционный метод синхронизации, или радиоуглеродный метод, учитывая расхождение обеих систем (Kuz'mina 1998).

Андреев, М. С. 1958. Таджики долины Хуф. Душанбе.

Антонова, Е. В., Н. М. Виноградова. 1979. Осенних и летних работ в Регарском районе в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане XIV (1974): 93–109. Душанбе: Дониш.

Аскарлов, А. 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: ФАН.

1989. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: 158–166. Алма-Ата.

Аскарлов, А., Б. Н. Абдуллаев. 1983. Джаркутан. Ташкент.

Аскарлов, А. А., В. Д. Рузанов. 1990. Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3, 4 и 5 // История материальной культуры Узбекистана 23: 6–12. Ташкент: ФАН.

Аскарлов, А., Т. Ш. Ширинов. 1993. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд.

Виноградова, Н. М. 1987. Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства: 76–91. Москва: Наука.

1991. Могильник Тандырыул в Южном Таджикистане // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии 18: 68–88. Москва: Наука.

1996. Первое поселение бешкентско-вахшской культуры на юге Таджикистана // Древность: историческое значение и специфика источника. Тезисы докладов конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского: 32–34. Москва.

2000. Исследования контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан)

в эпоху поздней бронзы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: 89–108. Москва: Геос.

Виноградова, Н. М., Л. Т. Пилькова. 1983. Работы в Гиссарской долине в 1977 г. // Археологические работы в Таджикистане XVII: 56–68. Душанбе: Дониш.

Дьяконов, М. М. 1950. Работы Кафирниганского отряда // Материалы и исследования по археологии СССР 15: 147–186. Москва-Ленинград: Наука.

Ионесов, В. И. 1990. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд.

Исаков, А. И. 1991. Саразм. Душанбе: Дониш.

Кузьмина, Е. Е. 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // Свод археологических источников В 4–9. Москва: Наука.

1972. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии «Бактрийский мираж» и археологическая действительность // Вестник древней истории 1: 131–147.

Литвинский, Б. А., А. В. Седов. 1983. Тера-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. Москва: Наука.

Масимов, И. С. 1981. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба // Советская археология 2: 132–150.

Массон, В. М. 1996. О системе цивилизаций бронзового века на ближнем Востоке. Рецензия на книгу С. Lamberg-Karlovsky. Beyond the Tigris and Euphrates (1996) // Археологические вести 6: 426–429. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Пугаченкова, Г. А. 1972. Новый памятник древнебактрийской культуры // Успехи среднеазиатской археологии 1: 47–49. Ленинград: Наука.

- Пугаченкова, Г. А., Э. В. Ртвеладзе. 1990. Северная Бактрия – Тохаристан. Ташкент: ФАН.
- Пьянкова, Л. Т. 1979. Отчет о работе Нурекского археологического отряда // Археологические работы в Таджикистане XIV (1974) 78–92. Душанбе: Дониш.
1987. О раскопках на поселении бронзового века Тегузак в 1980 году // Археологические работы в Таджикистане XX (1980): 117–125. Душанбе: Дониш.
1994. Работа Байпазинского отряда на поселении бронзового века Дахана (1985) // Археологические работы в Таджикистане XXV: 151–161. Душанбе: Дониш.
- Рапов, В. А. 1998. Каменный век // История таджикского народа. Древнейшая и древняя история I: 45–123. Душанбе.
- Рахманов, У. 1987. Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд.
- Садуллаев, А. С. 1989. К изучению поселения Муллали // Краеведение Сурхандарьи: 8–12. Ташкент.
- Сарианиди, В. И. 1976. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия: 21–86. Москва: Наука.
1977. Древние земледельцы Афганистана. Москва: Наука.
1990. Древности страны. Маргун. Ашхабад.
- Хлопин, И. Н. 1983. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Ленинград: Наука.
- Amiet, P. 1986. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris.
- Avanesova, N. 1996. Bustan VI – the peculiarities of the protobactrian complex of Uzbekistan // Information Bulletin, International Association for the Study of the Cultures of Central Asia 20: 141–155. Moscow.
1997. Spätbronzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Flussose nach den Befunden der Nekropole Bustan 6 // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 29: 147–178.
- Görsdorf, J., H. Parzinger, A. Nagler, A. Leont'iev. 1998. Neue ¹⁴C – Datierungen für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie // Eurasia Antiqua 3: 73–80. Berlin.
- Götzelt, T., T. Pjankova, N. Vinogradova. 1998. Neue bronzezeitliche Fundorte in Kyzyl Su-Tal (Südtadzikistan) // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 30: 115–144. Berlin.
- Kohl, Ph. L. 1981. The Namazga Civilization: an Overview // The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries. New-York.
- Kuz'mina, E. E. 1998. Three Methods of Chronologization and Three Directions of Synchronization of the Sites of the Bronze Age in the Steppes of Eurasia // EAA 4th Annual Meeting. Abstracts Book: 90–91. Göteborg.
- Sarlanidi, V. 1986. Die Kunst des alten Afghanistan. Leipzig.
- Širinov, T., S. Baratov. 1997. Bronzezeitliche Grabstätten aus der Nekropole Džarkutan 4 C (Süd-Uzbekistan) // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 29: 65–120. Berlin.
- Vinogradova, N. M. 1993. Interrelation between Farming and Steppe Tribes in the Bronze Age South Tadjikistan // South Asian Archaeology 1991: 289–301. Stuttgart.
1994. The Farming Settlement of Kangurtut in the Late Bronze Age // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 27: 29–47. Berlin.
1996. Kangurtut: The Ancient Agricultural Burial Ground in Southern Tadjikistan. // Information Bulletin, International Association for the Study of the Cultures of Central Asia 20: 171–194. Moscow.
2001. Südtadzikistan in der Spätbronze- und Früheisenzeit // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 6: 199–219. Bonn.

AGRICULTURAL SITES OF THE LATE BRONZE AGE PERIOD IN SOUTHERN TAJIKISTAN

N. M. VINOGRADOVA

Archaeological sites of Southern Tajikistan are linked inseparably with the cultural-historical region called Bactria in antiquity and occupy the peripheral north-eastern area of the latter. Only within the frame of the 'indivisible Bactria', a historical interpretation of any site of that period in Southern Tajikistan is possible.

There are no sites of the Early and Developed Bronze Age known within the territory of Southern Tajikistan. During the Late Bronze Age this region became the contact zone of three cultural-historical communities. Those were the agricultural sites of the North-Bactrian variant of the Namazga VI culture, the so-called Sapalli culture, and the sites of the steppe Bronze Age: the cultures of Beshkent-Vakhsh and Andronovo.

Different researchers proposed diverse appellations for the agricultural sites of Bactria and Margiana: the Namazga culture (Kohl 1981: VII), the Oxus culture (Frankfort 1984: 174), the Sapalli culture (Аскарлов 1977), the Bactrian-Margian archaeological complex (ВМАС) (Сарианиди 1990: 77). V.M. Masson assumes that a group of local civilisations united by the concept of a proto-Bactrian centre may have been co-existing (Masson 1988: 536–541). It was proposed to unite the archaeological settled agricultural complexes of the south of

Central Asia, north-eastern Iran and northern Afghanistan into a single Namazga historical-cultural community, or NHCC (Аскарлов, Ширинов 1993: 42). We are of the opinion that the appellation of the Namazga culture may be preserved, assuming that the sites of the Sapalli culture are its North-Bactrian variant.

At the later Molali and Bustan phases of the Sapalli culture, the spread of agricultural tribes from the south-western part of Northern Bactria (Southern Uzbekistan) to the north-east took place. The causes of the migration of agricultural population to Southern Tajikistan during the Late Bronze Age may be understood only within the context of the general processes occurring in the south of Central Asia. At the first stage, the extinction of cultures of the Bronze Age took place in the foothills of Kopet-Dag causing mass migrations of inhabitants of the foothill zone to the lower reaches of the Murghab and into the territory of Bactria on both sides of the Amu Darya. In Southern Tajikistan, a later wave of those migrations connected with ecological (aridisation of the climate), demographic (growth of the population), or economical (settling of new lands, trade links) factors has been registered.

Results of a palynological analysis of loess soils at the settlement of Kangurtut enabled to reconstruct the

paleogeographical situation in the Neolithic period and Late Bronze Age in the south of Tajikistan. In the settlement's lower layer dated to the Hissar Neolithic, pollen of trees was found – birch (13% of the total composition of plant species). The herbage amounted to 69–70%, and 17–18% belonged to spores, those of green mosses predominating. The composition of plant species implies a warm and moist climate. Among the palynological complexes from the horizons of the settlement of Kangurtut dated to the Bronze Age, 95% of the pollen comprises the grass and shrub species. In the herbage, the steppe groups predominated suggesting the increased aridity of the climate in the Bronze Age.

The settling of agricultural tribes throughout Southern Tajikistan was of an oasis character. The archaeological evidence allows us to identify three agricultural oases: 1) the Hissar valley; 2) the valleys in the middle reaches of the Vakhsh River in the regions of the Nurek, Tutkaul and upper reaches of the Tairsu River; 3) the Parkhar and Kulyab valleys (the basin of the Kyzylsu River). The ancient agriculturists selected for their settlements the lands in the foothills which were equally favourable for agriculture and animal husbandry. In the foothills, the amount of atmospheric precipitations was sufficient for non-irrigable agriculture and the valleys were convenient for irrigation. The main source of irrigation were the tributaries of different rivers, from which channels were led out where they had outlets from the mountains.

1. The Hissar Valley is bordered on the south-west by the Surkhan-Darya valley where numerous sites of the late stages of the Sapalli culture have been excavated (Аскарлов, Ширинов 1993). In the Hissar valley, two necropoleis of the ancient agricultural population are known: Tandyryul and Zarkamar (Виноградова 1991: 68). Single burials of the Bronze Age were uncovered at the Kushan sites of Тур-Кхона (Дьяконова 1950: 176) and Кара-Пашок (Виноградова, Пьянкова 1983: 62). The remains of an agricultural settlement have been found in the lower layers of the Hissar fortress.

2. Sites at the middle reaches of the Vakhsh River and upper reaches of the Tairsu River

In this oasis, a number of agricultural settlements and necropoleis are known: Kangurtut, Dakhana, Teguzak, Baraki-Kurug, and the cemeteries of Nurek.

3. The Oasis of the Kyzylsu River and its tributaries

The major tributaries of the Kyzylsu River are the Yakhsu and Tairsu rivers. The valleys of these rivers widen in their lower parts forming the Parkhar-Kulyab plain of the hill-and-range type. Owing to the activities of the Kyzylsu Archaeological Detachment (Gotzelt, P'jankova, Vinogradova 1998: 117) it was possible to gather different materials from the agricultural sites in that region. In addition, two ancient agriculturalist's necropoleis have been discovered which unfortunately were located within the areas of present-day Moslem cemeteries. In one of them – the cemetery of Khodzha Goib in Kulyab – two vessels were found including a tea-pot widely paralleled among the late agricultural complexes from Margiana and Bactria. The other agricultural necropolis is located on the top of the Urta-Boz elevation, near the town of Parkhar. In one of the ancient graves, pottery of the Molali (?) type and two children's silver bracelets were found. The silver alloy of

the bracelets was of a high order, copper amounting only to 3–5%. Such alloys are characteristic of silver objects of the period of the late culture of Namazga VI (Хлопин 1983: 227, табл. 3).

The agricultural tradition of the Late Bronze Age population of Southern Tajikistan differs slightly from that of the classical western sites in Northern Bactria, that is connected with the living conditions in highlands. This difference shows itself in building of terraced houses on stone foundations with the walls constructed from *pakhsa* (packed earth), orientation of the houses with their corners on the cardinal points and making funerary structures using the local relief for the undercuts of the catacombs and blocking up the entrance pits with stone or pieces of clay rather than with mud-bricks.

A comparative analysis of the archaeological materials from the settlements and cemeteries of Southern Tajikistan allows us to identify the chronological differences between these sites. The first chronological group comprises the cemetery of Tandyryul and chance finds from the cemeteries of Kyzlar-Kala, Parkhar, Karapichok, copper axes from Arakchin and Sharshar, and a bronze sword from Ramit. The second, later group includes the settlement and cemetery of Kangurtut, the settlements of Dakhana, Teguzak, and the Nurek cemeteries.

At the latest stages of the Sapalli culture, noteworthy is the 'scantiness' of archaeological finds. Thus in burials, mostly bronze votive objects are found, any seals and objects of arts being absent, except for the bracelets from Parkhar. A great number of cenotaphs appeared in the funerary practice: about 40% at cemeteries of Southern Uzbekistan, and over 90% at the cemetery of Kangurtut. In some cases, anthropomorphic or zoomorphic figurines made from unfired clay were found along with other funerary inventory in cenotaph-graves (Tandyryul). In the end of the Bronze Age, changes of the religious-ritual ideas concerning burying of deceased occurred in Northern Bactria.

Throughout the entire period of the Late Bronze Age, the existence of close contacts of the agricultural population with bearers of the Beshkent-Vakhsh culture and Andronovo tribes may be traced (Виноградова 2000: 89). The Andronovians played the role of mediators in the spread of the ancient-eastern farming culture to the north (southern imports). On the other hand, the presence of Andronovo pottery and metals is registered at different agricultural sites. In particular contact zones, settling of the steppe-nomads in agricultural oases and adopting certain ritual and cultural traditions of agriculturists possibly occurred.

As to the chronology of the sites of the Late Namazga VI, there is as yet no common opinion. Scholars from republics of the former USSR date them to the middle or end of the 2nd mil. B.C. that is in agreement with the traditional chronology of the Eurasian steppe cultures. West-European and American researchers attribute these sites to the 1st half – the middle of the 2nd mil. B.C. on the basis of calibrated radiocarbon dates. Such datings correspond to calibrated dates of steppe cultures (Görsdorf J. et al. 1998: 73). In E.E. Kuz'mina's opinion, to date it is equally correct to use either the traditional method of synchronisation or the radiocarbon one, but taking into account the divergence of the two systems (Kuz'mina 1998).